

ГЛАВА II. Социальные функции родства

“ Существуют банальные ответы, исходящие из кодифицированной повседневности, они заключены в кратком своде нравов и обычаев, общепринятых ценностей, представляющем собой своего рода инертное пассивное знание. Сверх того, существует уровень творчества, эта епархия *amusnaw* (мудреца), способного не только практически пользоваться принятым кодексом, но и приспособлять его, модифицировать и даже коренным образом его изменять.

Мулуд Маммери. Диалог об устной поэзии Кабилии.

Брак с кузиной по параллельной отцовской линии (*bent aam*, «дочь брата отца») [1], этот легитимный квазиинцест, может рассматриваться, говоря словами Леви-Строса, как «своего рода скандал» [2] лишь с точки зрения таксономии традиционной этнологии. Пересматривая понятие экзогамии, являющейся условием воспроизводства отдельных родов, а также условием непрерывности и свободной идентификации последовательных общностей, Леви-Строс подвергает критике чреватую опасностями приверженность как теориям однородных групп, так и теории брачного альянса, представляющей брак как обмен одной женщины на другую и подразумевающей табу на инцест, то есть обязательность обмена. В то время как правила экзогамии чётко разграничивают группы, построенные на альянсах, и группы, основанные на родстве, которые не могут совпадать по определению, — генеалогический род оказывается, таким образом, вполне ясно определённым, поскольку власть, привилегии и обязанности передаются как по материнской, так и по отцовской линии, но эндогамия стирает различия между родами. Так, в крайнем случае системы, которая реально была бы основана на браке с кузиной по параллельной линии, определённый индивид оказался бы связан с дедом по отцовской линии не только по отцу, но и по матери. Но с другой стороны, решая сохранить кузину по параллельной линии (эту почти-сестру) внутри рода, группа тем самым лишает себя возможности принимать женщин со стороны и, соответственно, создавать альянсы. Таким образом, мы вынуждены задаться вопросом, достаточно ли считать подобный тип брака исключением (или «абберрацией»), подтверждающим правило, или мы должны подготовить категории восприятия, которые позволят ему возникнуть, подготовить ему место, дать имя и тому подобное; или, совсем наоборот, следует самым радикальным образом оспорить эти категории мышления, производящие такого рода немислимое. Для этого, например, достаточно увидеть, что использование понятия «предпочтительного брака», являясь легитимным в обществе, признающем экзогамные группы и установившем строгое различие между родителями по параллельным и по скрещённым линиям, не имеет смысла в обществе, которому экзогамные группы

несвойственны. Возможно, следует пойти дальше и рассматривать это исключение как повод усомниться не только в самом понятии предписания или предпочтения и, шире, — в понятии правила и поведения, регулируемого правилами (в двойном смысле: как поведения, объективно соответствующего правилам, и поведения, определяемого через подчинение правилам), но и в самом понятии группы, определяемой генеалогией как сущность, чья социальная идентичность может быть столь же инвариантной и недвусмысленной, как и критерии определения группы, сообщающие каждому из своих членов определённую, раз и навсегда установленную социальную идентичность.

Неадекватность языка предписаний и правил столь очевидна при патрилатеральном браке (Брак по боковой отцовской линии. — Прим. пер.), что мы не можем не задаться вопросами, которые ставил Р. Нидхейм (R. Needham) в отношении условий действительности (возможно, никогда не выполняемых) такого языка, являющегося не чем иным, как языком права [3]. Вопросы об эпистемологическом статусе таких находящихся в постоянном обиходе понятий, как правило, предписание или предпочтение, не могут не затронуть и предполагаемую ими теорию практики: как можно, хотя бы и неявным образом, выдавать «алгебру родства», как говорил Малиновский, за теорию родственных практик и «практического» родства, не постулируя при этом негласно существование дедуктивной связи между наименованиями родства и «родственными установками»? И можно ли придавать этой связи антропологическое значение, не постулируя при этом, что упорядоченные и регламентированные отношения между родственниками являются продуктом подчинения правилам (чтобы быть максимально точным, их надо было бы назвать в дюркгеймовском стиле скорее «правными» (jural), чем правовыми или законными отношениями), которые предназначены управлять практикой на манер правовых норм? [4] Наконец, можно ли превращать генеалогическое определение групп в единственный принцип деления социальных единиц и распределения агентов по этим группам, при этом неявно постулируя, что агенты во всех отношениях и раз и навсегда определяются их принадлежностью группе, и что, в конечном счёте, группа определяет агентов и их интересы в большей степени, чем сами агенты определяют группы в зависимости от своих интересов?

Состояние исследований

Самые последние теории брака с кузиной по параллельной линии, принадлежащие Ф. Барту, а также Р. Марфи и Л. Каздану, несмотря на их диаметрально противоположность друг другу, сходятся в том, что они вводят функции, которые структуралистская теория игнорирует или заключает в скобки, идёт ли речь о таких экономических функциях, как сохранение наследства внутри рода, или о политических функциях, как укрепление интеграции рода [5]. Ясно, что эти теории не могут действовать по-другому, иначе браку с кузиной по параллельной линии, который не выполняет очевидным образом функции обмена или альянса, единодушно признаваемых за браком с кузиной по пересекающейся линии, не избежать упреков в бессмысленности [6]. Ф. Барт настаивает на том, что эндогенный брак «решающим образом» участвует в усилении самого слабого рода и в превращении его в группу, объединённую борьбой против мятежников. Напротив, Марфи и Каздан упрекают Барта за то, что он объясняет институт брака через «цели, сознательно преследуемые индивидуальными актёрами», а точнее, заинтересованностью главы рода

привязать к себе своих племянников, находящихся в потенциальных точках разрыва, — сами они соотносят этот тип брака с его «структурной функцией», способствующей «предельному расщеплению агнатических родов («Agnatus» — в римском праве система родства, передаваемого только по мужской линии, потомки одного основоположника.

Противоположная система — по женской линии «cognatus» — когнатическое родство. — Прим. пер.) и — вследствие эндогамии — изоляции и замыканию родов на самих себе». Клод Леви-Строс имеет все основания утверждать, что обе эти противоположные позиции приходят к одному и тому же: действительно, теория Барта, согласно которой такой брак укрепляет единство рода и ослабляет его тенденцию к дезинтеграции, и теория Марфи, которая усматривает в нём поиск основы интеграции в более широкие союзы, объединяющие в предельном случае всех арабов, ссылаясь при этом на идею общего происхождения, единодушны в допущении того, что брак с сестрой по параллельной линии не может быть объяснён в логике системы матримониальных обменов и неизбежно отсылает к внешним функциям, экономическим или политическим [7].

Жан Кюизень лишь делает выводы из этого утверждения, выстраивая конструкцию, в которой пытается учесть уже установленные всеми исследователями расхождения между «моделью» и практиками, а также принимает в расчёт внешние, по меньшей мере экономические функции матримониальных обменов: «Само аборигенное мышление подталкивает к такой объяснительной модели. Оно представляет альянсы, складывающиеся в группе, опираясь на фундаментальную оппозицию между двумя братьями, одного из которых, чтобы сохранить прочность группы, ориентируют на эндогамный брак, другого же, чтобы добыть для группы союзников, — на экзогамный брак. Эта оппозиция между двумя братьями обнаруживается на всех уровнях агнатической группы. На языке генеалогии, привычном арабскому мышлению, она выражает альтернативу, которую можно представить схемой дробного порядка, где порядковые величины А и В составляют соответственно 1/3 и 2/3. Если А — эндогамный выбор, В — экзогамный, и если следовать разветвлению дихотомического древа, начиная от его корней, то выбор А на самом внешнем уровне генеалогических кругов есть выбор кузины по параллельной линии (треть случаев)» [8]. Можно было бы считать достоинством этой модели тот факт, что она пытается использовать статистические данные в отличие от традиционных теорий «преференциального брака», которые ограничиваются констатацией расхождений, относящихся к второстепенным, например, демографическим факторам, между «нормой» (или «правилом») и практикой [9]. Но если мы обратим внимание, что достаточно принять более или менее рестриктивное определение браков, приравняемых к бракам с кузиной по параллельной линии, чтобы начались расхождения, на большую или меньшую величину, с расчётной частотой этих браков (36 процентов), причём последняя, вкуче с местными доводами, породила «теоретическую модель», то мы без труда сможем убедиться, что модель потому столь хорошо подходит под факты, что она была сконструирована путём «подгонки», то есть изобретена ad hoc, чтобы оправдать статистический артефакт, а не разработана, исходя из теории принципов производства практик. Как говорил Лейбниц, для каждой линии лица существует своё уравнение. И всегда найдётся математик, который докажет, что две сестры, параллельные относительно одной и той же третьей сестры, параллельны и друг другу.

Однако стремление подчинить генеалогии статистическому анализу имеет, по меньшей мере, то достоинство, что позволяет обнаружить основополагающие свойства генеалогии, этого аналитического инструмента, который сам никогда предметом анализа не был. И сразу весьма странным представляется намерение выразить эндогамию в процентах, тогда как в данном случае следует ставить под сомнение само понятие эндогамной группы, лежащей в основе расчёта. Жан Кюизенье, который в данном случае следует Клоду Леви-Стросу, отмечавшему, что «с точки зрения структурализма женитьбу на дочери брата отца можно считать эквивалентной браку с дочерью сына отца» [10], пишет: «Бывает и наоборот, что Эго вступает в брак с внучкой своего дяди по отцу, или с дочерью двоюродного деда по отцовской линии. С точки зрения структурализма, эти союзы эквивалентны: один — женитьбе на двоюродной сестре, дочери дяди по отцовской линии, другой — браку с внучкой деда по отцовской линии» [11]. Когда этнолог берёт номинализм, принимающий согласованную систему наименований за практическую логику диспозиций и практик, комбинируя его с формализмом статистики, основанной на абстрактных разбиениях, он вынужден производить генеалогические манипуляции, практический эквивалент которых заключается в процедурах, применяемых агентами, чтобы замаскировать разногласия между их матримониальными практиками и тем идеальным представлением о них, которое они создают, или тем официальным образом, которые они стремятся им сообщить. Так, если того требует дело, они могут назвать кузиной по параллельной линии не только дочь дяди по отцовской линии, но также и двоюродных и троюродных сестёр по отцовской линии, то есть сестёр второй или даже третьей степени родства, как, например, дочь сына брата отца, или дочь брата отца отца, или дочь сына брата отца отца и так далее. Известно также, какие манипуляции эти агенты могут производить со словарём родства, когда, например, они используют понятие *aamt* в качестве вежливого обращения к любому старшему родственнику по боковой отцовской линии. Расчёт «процентов эндогамии» по генеалогическим уровням, ирреальное пересечение абстрактных «категорий» приводит к тому, что в результате абстрагирования второго порядка этнолог трактует как идентичных таких индивидов, которые, хотя и находятся на одном уровне генеалогического древа, могут существенно отличаться друг от друга по возрасту, и их браки, уже по этой причине, могли быть заключены в различных условиях, соответствующих различным состояниям матримониального рынка. Либо, наоборот, он трактует как различные браки, генеалогически разделённые, но хронологически совпадающие, когда, например, племянник женится в то же самое время, что и один из его дядьев.

Следует ли довольствоваться абстрактными делениями, построенными на бумаге, то есть основанными на генеалогиях, имеющих такую же протяжённость, что и память группы, которая по своей структуре и по своей протяжённости сама зависит от функций, приписываемых группой тем, кого она увековечивает или предаёт забвению? Е. Л. Питерс [12], усматривая в схеме рода идеологическое представление, к которому бедуины прибегают, чтобы дать «начальное понимание» о своих связях в настоящем, отмечает, что эта схема игнорирует реальное соотношение сил между генеалогически идентичными сегментами, что она забывает о женщинах и рассматривает как простые «несущественные обстоятельства» основополагающие экологические, демографические и политические факторы [13]. Или же следует пользоваться делениями, совершаемыми самими агентами в зависимости от критериев, которые вовсе необязательно являются генеалогическими? Но

тогда можно обнаружить, что шансы индивида на брак, общественно признаваемый за равный браку с bent aamme, тем выше, чем обширнее «практический», то есть практически мобилизуемый род (а вместе с тем и число потенциальных партнёров), и чем сильнее давление и вероятнее нужда, способные склонить или вынудить этого индивида к заключению брака внутри рода. Когда неделимость нарушена и ничто более не напоминает о генеалогической связи и её не поддерживает, то дочь брата отца может оказаться не более близкой родственницей в практически освоенном социальном пространстве, чем любая другая кузина по отцовской или даже по материнской линии. Наоборот, более отдалённая в генеалогическом пространстве кузина может стать практически эквивалентом bent aamme, если оба кузена состоят в одном «доме», сплочённом, полностью неделимом, живущем под руководством старейшины. И когда информаторы настойчиво повторяют, что сегодня браки внутри рода заключаются реже, чем раньше, то, быть может, они являются просто жертвами иллюзии, порождённой упадком этих больших неделимых семей.

Функции связей и основание групп

Недостаточно, как делают некоторые наиболее осведомлённые информаторы, аккуратно перейти от понятия преференциального брака с параллельной кузиной к понятию «родовой эндогамии» и попытаться с помощью этой расплывчатой и отвлечённой терминологии уйти от проблем, которые ставит понятие эндогамии, — тех самых проблем, что скрывает в себе слишком знакомый концепт группы. Прежде всего следует спросить себя, кто заинтересован в том, чтобы определять группу через генеалогическую связь, объединяющую её членов, и только таким образом и трактовать её, а следовательно, рассматривать (имплицитно) родство как необходимое и достаточное условие целостности группы. В самом деле, как только реально ставится вопрос о функциях родственных связей или — в более жёсткой форме — об пользе родни, так очень скоро обнаруживается, что использование родственных связей, которые можно назвать генеалогическими, закрепляется за официальными ситуациями, в которых они выполняют функцию упорядочения социального мира и легитимации этого порядка. Этим оно и противостоит другим способам практического использования традиций родственных связей, которые в свою очередь являются частным случаем использования связей. Генеалогическая схема семейных связей, которую конструирует этнолог, лишь воспроизводит официальное представление о социальных структурах, произведённое путём приложения принципа структурирования, который является доминирующим только в некотором отношении, то есть в определённых ситуациях и относительно определённых функций.

Напомнить о том, что родственные связи — это что-то, что делается и с чем делают что-то — вопреки впечатлению, которое могут производить существующие таксономии, означает не только заменить «функционалистскую» интерпретацию на «структуралистскую». Это значит радикальным образом усомниться в имплицитной теории практики, которая склоняет этнологическую традицию к рассмотрению семейных связей скорее «в виде предмета или интуиции», выражаясь словами Маркса, чем в виде практик, которые производят эти связи, воспроизводят их или используют, сообразуясь с их непременно практическими функциями. Если всё, что касается семьи, не было бы окружено замалчиванием, то не нужно было бы

напоминать, что сами отношения между предками и потомками существуют и длятся лишь благодаря непрерывной работе по их поддержанию и что существует экономика материальных и символических обменов между поколениями. Что касается союзных отношений, то только если они регистрируются как состоявшийся факт — а именно так и поступает этнолог, составляющий генеалогию, — можно забыть, что они являются продуктом стратегий, направленных на удовлетворение материальных и символических интересов и организованных в соответствии с определённым типом экономических и социальных условий.

Говорить об эндогамии и даже желать — в похвальном стремлении к строгости — измерить её степень, означает поступать так, как если бы существовало чисто генеалогическое определение рода, в то время как каждая взрослая мужская особь, на каком бы уровне генеалогического древа она ни находилась, представляет собой потенциальную точку сегментации, которая может актуализироваться при конкретном социальном использовании обычая. Чем далее мы удаляемся от точки происхождения во времени и в генеалогическом пространстве — а ничто в этом абстрактном пространстве не мешает нам отодвигать её до бесконечности, — тем более раздвигаются границы рода и тем более возрастает ассимиляционная сила генеалогической идеологии, но при этом теряются её различительные свойства, которые возрастают при движении в противоположном направлении — при приближении к общему корню. Таким образом, возможное использование выражения *ath* (потомки того-то, из таких-то...) подчиняется точно такой же позиционной логике, что, согласно Эванс-Причард, характерна для применения слова *cieng*: один и тот же индивид может в зависимости от обстоятельств, ситуации, собеседника, то есть в соответствии с функцией сходства и различия названия, может сказаться либо членом *Ath Abba*, то есть членом «дома» (*akham*), самой малочисленной единицы, либо же — и это другая крайность — членом *Ath Yahia*, то есть племени (*aarch*), наиболее широкой группы. Такой абсолютный релятивизм предоставляет агентам власть манипулировать их собственной социальной идентичностью или идентичностью их соперников или партнёров, которых они рассчитывают ассимилировать или исключить, манипулируя границами класса, в чей состав входят как те, так и другие. Достоинством этого абсолютного релятивизма является, по крайней мере, осуществляемый им разрыв с наивным реализмом, который характеризует группу исключительно как популяцию, определяемую по непосредственно наблюдаемым границам. Действительно, структура группы (и, как следствие, социальная идентичность составляющих её индивидов) зависит от функции, которая заложена в её конституирование и её организацию. Именно об этом забывают те, кто, пытаясь избежать генеалогической абстракции, противопоставляют ей линию по родству (*descent line*) или линию по месту проживания (*local line*), либо ту и другую совмещённые — диаграммно-локальную линию (*local descent group*), как часть множества, образуемого однолинейным родством агентов, которым совместное проживание позволяет действовать коллективно в качестве группы [14]. Эффекты пространственной дистанции зависят, в свою очередь, от функции, для которой была установлена социальная связь. Если можно предположить, например, что потенциальная полезность партнёра имеет тенденцию к ослаблению по мере того, как увеличивается дистанция, то в случае престижного брака эта тенденция прерывается: символическая выгода становится тем больше, чем более удаётся наладить связь между самыми удалёнными друг от друга сторонами. Точно так же, если совместное проживание способствует интеграции группы, то единство, которого достигает группа,

мобилизуясь ради какой-либо общей функции, способствует минимизации эффекта дистанции. Одним словом, несмотря на теоретическую возможность предполагать существование стольких возможных групп, сколько существует функций, нельзя всё же вступать в контакт с любым по любому поводу, точно так же, как невозможно предлагать свои услуги любому с любой целью. Чтобы избежать релятивизма и не впасть в реализм, можно установить, что константы поля партнёров, одновременно используемых на деле в силу их пространственной близости и полезных в силу их социального влияния, приводят к тому, что каждая группа агентов стремится поддерживать своё существование с помощью постоянной работы по установлению привилегированной сети практических связей, которая включает не только совокупность генеалогических связей, поддерживаемых в действенном состоянии и называемых здесь практическим родством, но также совокупность не-генеалогических связей, мобилизуемых для ежедневных житейских потребностей, которые мы здесь называем практическими связями.

Сватовство и церемония бракосочетания дают хороший повод увидеть всё то, что в реальности отделяет официальную родню, единую и неделимую, определённую раз и навсегда протокольными нормами генеалогии, от практического родства, границы и дефиниции которого столь же многочисленны и разнообразны, как его пользователи и случаи использования. Если практическое родство создаёт браки, то именно официальное родство совершает церемонию бракосочетания. При обычных браках контакты, предшествующие официальному предложению (akht'ab), а также не предназначенные для огласки переговоры, касающиеся того, что оставляет в неизвестности официальная идеология, а именно: экономических условий брака, статуса жены в доме мужа, отношений с матерью мужа, — осуществляют участники, менее всего наделённые властью представлять всю группу и мобилизовать её, то есть те, кого можно в любой момент лишит полномочий: либо старуха, своего рода профессионал таких тайных контактов, либо повивальная бабка, либо какая-то другая женщина, привычно перемещающаяся из деревни в деревню. В трудных переговорах между удалёнными друг от друга группами декларация о намерениях (assiwat' wawal) возлагается на известного и уважаемого мужчину, принадлежащего к достаточно обособленной и дистанцированной части «принимающей» группы, чтобы выглядеть нейтральным и быть способным действовать сообща с лицом, занимающим приблизительно ту же позицию по отношению к группе «дающих» (скорее друг или союзник, чем родственник). Лицо, получившее такой мандат, избегает слишком явных демаршей и ведёт себя так, чтобы найти внешне неожиданный повод (случай, отрицающий намеренность, расчёт) встретить представителя «со стороны девушки» и открыть ему намерения заинтересованной семьи. Что касается официального предложения (akht'ab), то его делает наименее ответственный из отвечающих за заключение брака — то есть старший брат, а не отец, дядя по отцу, а не дед и так далее — в сопровождении, особенно если он молод, какого-либо родственника из другого рода. Это мужчины, всё более близкие жениху и всё более уважаемые (например, если на первом этапе участвуют старший брат и дядя по материнской линии, то на следующем — дядя по отцовской линии и один из почётных членов группы, затем — те же почётные лица в сопровождении многих почётных лиц группы и деревни, а также t'aleb, к которым присоединяется позже марабут деревни, затем отец в компании почётных граждан ближайших деревень и даже соседнего племени и так далее), которые ходатайствуют перед мужчинами, представляющими семью невесты, наиболее дальними с точки зрения родства и пространства.

В конечном счёте, самые почётные и самые дальние родственники невесты ходатайствуют перед отцом и матерью девушки от имени самых близких и самых знатных родственников жениха, которые прежде ходатайствовали перед ними. Наконец о согласии (aqbal) сообщается максимально большому числу людей, и оно доводится до сведения самого почётного родственника молодого человека самым почётным родственником девушки, которого просили поддержать ходатайство. По мере того как переговоры успешно продвигаются и близятся к завершению, практическая родня уступает место официальной родне, поскольку иерархия полезности почти диаметрально противоположна иерархии генеалогической легитимности. Так происходит, во-первых, из-за того, что на первом этапе нет заинтересованности вступить в контакт с родственниками, которые по своей генеалогической и социальной позиции способны скомпрометировать своих доверителей (особенно когда ситуация конъюнктурной подчинённости, присущая позиции ходатая, сочетается со структурным превосходством, связанным с тем, что мужчина чаще всего женится на женщине ниже себя. Во-вторых, нельзя обращаться к первому попавшемуся, предоставив ему роль просителя, который может столкнуться с отказом, а тем более оказаться участником малопрестижных переговоров, часто мучительных, иногда унижительных для обеих сторон (такова, например, практика thajaalts, состоящая в подкупе родственников девушки, которую сватают, за их ходатайство перед родственниками, влияющими на решение). В-третьих, на практической стадии переговоров поиск максимальной эффективности ориентирует на выбор лиц, известных своей ловкостью или особым авторитетом в глазах данной семьи или же своими хорошими отношениями с тем, кто способен повлиять на решение. И совершенно естественно, что те, кто реально «сделал» брак, на официальном этапе должны довольствоваться местом, предназначенным им не по их полезности, а по положению в генеалогии — что обрекает их, как говорят в театре, на исполнителей «вторых ролей», лишь подыгрывающих «главным героям».

Упрощая, можно сказать, что представительская родня противопоставляется родне практической наподобие того, как официальное противостоит неофициальному (включающему одиозное и скандальное), коллективное — единичному, публичное, эксплицитно кодированное в магических или квазиправовых формах, — частному, сохраняемому в имплицитном и даже в тайном виде; как коллективный обряд, то есть бессубъектная практика, исполняемая взаимозаменяемыми агентами, получившими коллективный кредит доверия, противостоит стратегии, ориентированной на удовлетворение практических интересов какого-либо агента или отдельной группы агентов. Абстрактные единицы, являясь продуктом простого теоретического деления, как в данном случае — линия одного основоположника (или, в другом случае, возрастная группа), открыты всем функциям, то есть ни одной функции в отдельности, и обретают практическое существование только посредством и для наиболее официального использования родства: представительская родня есть не что иное, как представление, которое группа составляет о себе самой, и почти театральное представление о самой себе, которое группа даёт для себя, действуя в соответствии с имеющимся у неё представлением о себе. Напротив, практические группы существуют только посредством и для особого рода функций, ради выполнения которых они эффективно мобилизуются, и сохраняются только потому, что постоянно поддерживаются на ходу, благодаря собственно их использованию и целой работе по поддержке (частью которой являются матримониальные обмены, осуществляющиеся действиями этих групп), а также благодаря тому, что они основаны на

той общности диспозиций (габитус) и интересов, что формирует неделимость материального и символического состояния.

Если случается, что официальная совокупность индивидов, определяемая по одной связи с одним и тем же предком, располагающаяся на одном (каком бы то ни было) уровне генеалогического древа, составляет одну практическую группу, то в этом случае деление, основанное на генеалогии, перекрывается структурными единицами, сформированными по другим принципам: экологическим (соседство), экономическим (неделимость) и политическим. Пусть даже дескриптивная ценность генеалогического критерия оказывается тем выше, чем ближе общие предки и чем теснее социальное единство, это всё же необязательно означает, что его унифицирующая эффективность соответственно возрастает. В действительности мы увидим, что самая тесная генеалогическая связь, например, та, что объединяет братьев, является в то же время местом сильнейшей напряжённости, и только не прекращающаяся ни на мгновение работа помогает поддерживать солидарность. Короче, простая генеалогическая связь никогда полностью не предопределяет связь, объединяющую индивидов. Протяжённость практического родства зависит от способности членов официальной структуры преодолевать напряжённость, которую порождает столкновение интересов внутри неделимого предприятия по производству, потреблению и поддержанию практических связей, соответствующих официальному представлению, которое даёт о себе любая группа, считающая себя спаянной, и, следовательно, аккумулировать преимущества, получаемые от всякой практической связи, а также символические прибыли, обеспечиваемые социальным одобрением практик, которые соответствуют своему официальному представлению, то есть социальному идеалу родства.

Все стратегии, с помощью которых агенты стремятся соответствовать правилам и таким образом обратить эти правила в свою пользу, указывают на то, что представления и, в частности, таксономии родства обладают действенностью, которая, будучи чисто символической, не становится от этого менее реальной. В качестве инструмента познания и конструирования социального мира структуры родства выполняют политическую функцию на манер религии или любого другого официального представления). Различные формы обращения прежде всего являются категориями родства, а в этимологическом смысле коллективными и публичными вменениями обязательств (*kategoreisthai* первоначально означало публичное обвинение, осуждение кого-либо за что-либо на глазах у всех), коллективно одобренными и установленными как самоочевидные и необходимые: на этом основании формы обращения обладают магической властью устанавливать границы и учреждать группы посредством перформативных заявлений (достаточно задуматься над тем, что содержит в себе такое выражение, как: «ведь это твоя сестра!» — единственное практическое выражение табу на инцест), наделённых всей силой групп, в создании которых эти заявления принимали участие.

Символическая власть категорем лучше всего видна на примере имён собственных, которые, будучи эмблемами, содержащими весь символический капитал престижной группы, являются ставкой в интенсивной конкурентной борьбе: присвоить такие-то признаки генеалогической позиции (такой-то, сын такого-то и так далее) — значит в какой-то степени овладеть титулом, дающим преимущественные права на состояние группы. Дать

новорождённому имя какого-нибудь великого предка означает не только совершить акт почтительной сыновней любви, но и в какой-то степени предопределить судьбу ребёнка, которому тем самым предназначается «воскресить» героического основоположника, то есть унаследовать его обязанности и его власть. (Здесь, как и везде, наличное соотношение сил и власти определяет, каким в будущем станет коллективное представление о прошлом: эта символическая проекция соотношения сил между конкурирующими индивидами и группами ещё более способствует укреплению отношений силы, давая доминирующим право распоряжаться памятью о прошлом с тем, чтобы она наилучшим образом легитимировала их интересы в настоящем.)

Как правило, новорождённому не дают имя ещё живущего родственника, поскольку это означало бы «воскресить» его до его смерти, бросить ему оскорбительный вызов и, хуже того, наложить проклятие. Этому же правилу придерживаются, когда раздел неделимого освящён торжественной процедурой деления наследства либо когда семья распадается по причине эмиграции в город или во Францию. Отец не может дать своё имя сыну — и если сын носит его, то потому, что «был ещё в утробе матери», когда отец скончался. Однако и здесь, как и повсюду, существует множество уловок и способов нарушить данный обычай. Случается, что ребёнку меняют первоначально данное ему имя и присваивают имя отца или деда, «освободившееся» после смерти последнего (мать и женская часть семьи продолжают называть его первым именем, сохраняя, таким образом, его для семейного пользования). В других случаях одно и то же имя присваивается нескольким детям в несколько видоизменённых формах, получаемых с помощью прибавления или изъятия отдельных звуков (Моханд урабах вместо Рабах, или наоборот) или незначительных перестановок (Беза вместо Моханд Амезьяне, Хамини или Дахмане вместо Ахмед). Поскольку нежелательно — по тем же причинам — называть ребёнка одним именем со старшим братом, часто подбирают имена, близкие по звучанию или значению (Ахсен и Эльхосин, Ахмед и Мохамед, Мезиане и Мокране и так далее), особенно если одно из имён носил какой-нибудь предок.

Самые престижные имена, как и самые плодородные земли, являются предметом регламентированной конкурентной борьбы, и «право» на присвоение самого желаемого имени (поскольку оно указывает на непрерывную генеалогическую связь с предком, память о котором хранится группой и за её пределами) распределяются в соответствии с иерархией, аналогичной той, которая определяет долг чести в случае мести либо права на наследственные земли в случае продажи. Так, в силу того, что имя передаётся по прямой мужской линии, отец не может дать сыну имя своего собственного аатм или своего родного брата (аатм ребёнка), если после их смерти у них остались женатые сыновья, способные передать имя отца одному из своих сыновей или внуков. Здесь, как и в других случаях, привычный язык нормы и долга («обязан», «не может» и тому подобное) не должен вводить в заблуждение. Можно привести пример, когда младший брат воспользовался благоприятным раскладом сил, чтобы дать своим детям имя умершего знатного брата, оставившего очень маленьких детей. Впоследствии долгом чести этих детей стало возвращение имени, законными наследниками которого они себя считали, невзирая на возникающую вследствие этого путаницу. Конкуренция особенно хорошо видна в случае, когда несколько братьев хотят дать своим детям имя отца. При том, что в стремлении не допустить забвения имени оно даётся первому родившемуся после смерти его носителя мальчику, старший из братьев может отложить на более позднее время передачу имени,

чтобы дать его одному из своих внуков, вместо сына одного из младших братьев, перескакивая, таким образом, через один генеалогический уровень. И наоборот, может случиться, что при полном отсутствии потомков мужского пола имя оказывается не востребуемым, и долг по его «воскрешению» возлагается на побочную родню, а затем — шире — на всю группу, которая демонстрирует тем самым, что её сплочённость и обилие мужчин обязывает её принимать имена всех прямых предков, а сверх того, выручать попавшую в беду побочную родню [15].

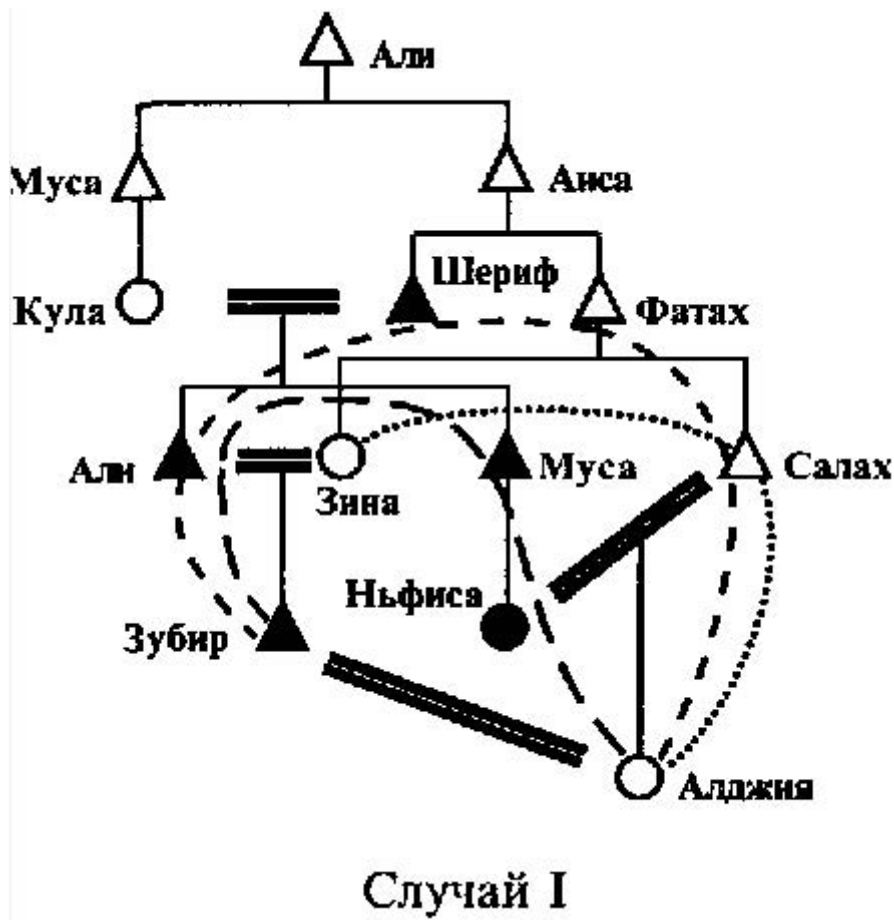
Категории родства формируют реальность. То, что обычно называют конформизмом, является своего рода чувством реальности (или, если угодно, следствием того, что Дюркгейм называл «логическим конформизмом»). Существование официальной истины — которая, распространяясь на всю группу, как это бывает в случае слабо дифференцированного общества, обладает объективностью общепризнанного — определяет специфическую форму интереса, связанную с соответствием официальному. Брак с кузиной по параллельной линии обладает для него всей полнотой реальности идеала. Если слишком доверять местным речам, то можно принять норму практики за официальную истину; а если слишком пренебрегать ими, то возникает опасность недооценки специфической эффективности официального и непонимания стратегий второго порядка, посредством которых, например, стремятся извлечь выгоду от конформизма, скрывая стратегии и интересы под видимостью подчинения норме [16].

Истинный статус таксономии родства — основ структурирования социального мира, которые в качестве таковых всегда выполняют определённую политическую функцию — становится особенно понятен при рассмотрении того, как по-разному используют одно и то же поле генеалогических связей мужчины и женщины, в частности, как по-разному они «толкуют» и «используют» генеалогически неоднозначные родственные связи (что ввиду ограниченности матримониального пространства случается часто). Двусмысленная генеалогическая связь всегда даёт возможность приблизить самого отдалённого родственника или приблизиться к нему, делая акцент на том, что их объединяет; либо держать на расстоянии самого близкого родственника, выставляя напоказ то, что их разъединяет. Целью этих манипуляций, которые было бы наивно считать фиктивными только потому, что они никого не могут обмануть, является не что иное, как определение практических границ группы, которые можно очертить, в зависимости от необходимости, либо за спиной того, кого предполагается присоединить, либо перед лицом того, кого предполагается отторгнуть. Наглядное представление об этих уловках может дать различное применение термина *khal* (в строгом значении слова, брат матери). Когда его произносит марабут в отношении простого, нерелигиозного крестьянина, то тем самым он выражает стремление дистанцироваться, оставаясь в рамках приличия, и подчёркивает отсутствие всяких легитимных родственных связей. И наоборот, такое обращение между крестьянами указывает на стремление установить хотя бы минимальную близость, намекая на весьма отдалённый и гипотетический альянс.

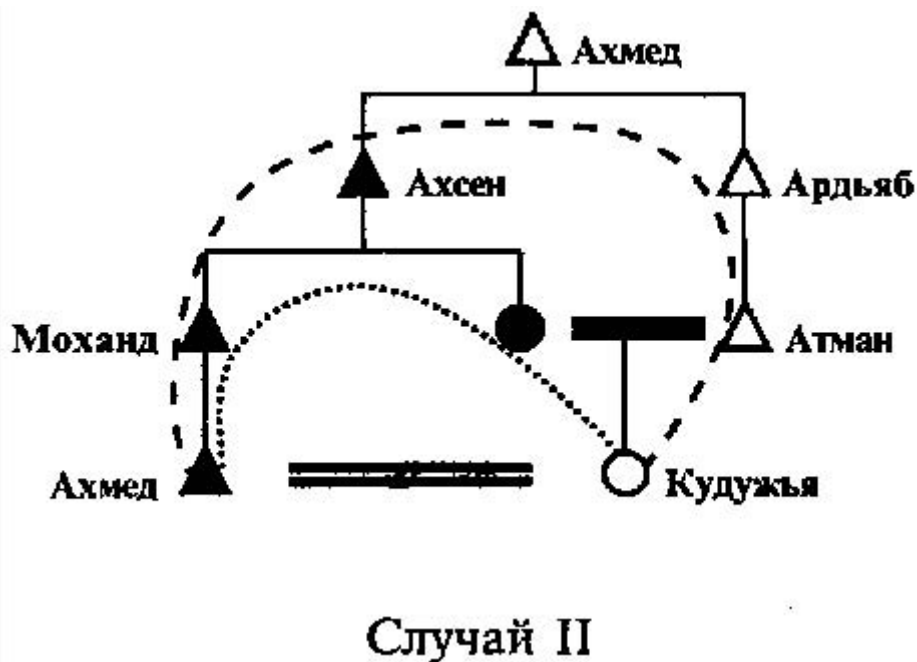
Именно такого официального прочтения придерживается этнолог, когда, например, уподобляет браку между кузеном и кузиной по параллельной линии отношения между кузенами по отцовской линии второй ступени, из которых один — а тем более оба, если состоялся обмен женщинами между сыновьями двух братьев — в свою очередь рождён от

брака с кузеном по параллельной линии. Мужское, то есть доминирующее толкование навязывается с особой силой во всех публичных, официальных ситуациях, иначе говоря, во всех торжественных ситуациях, когда порядочный человек разговаривает с порядочным человеком, вычлняя из всех видов весьма многогранных связей самый благородный аспект, наиболее достойный того, чтобы быть представленным публично. Мужское толкование связывает каждого индивида, место которому нужно определить, с его предками по отцовской линии и, через их посредство, с предками по предкам по отцовской линии, общими для обоих индивидов. Оно отказывается от другого возможного пути, иногда более прямого и часто более удобного, того, что устанавливается между женщинами. Так, в соответствии с правилами приличия в генеалогии, принято считать, что Эубир взял в жёны в лице Алджии дочь сына брата отца своего отца, или дочь дочери брата своего отца, но никак не дочь брата своей матери, хотя в действительности именно эта связь лежит в основании данного брака (случай 1). Точно так же в другом случае, заимствованном из той же генеалогии, Кедуджья является дочерью сына брата отца своего мужа Ахмеда, вместо того чтобы считаться перекрёстной кузиной (дочь сестры отца), кем она и является (случай 2). Еретическая интерпретация, которая отдаёт предпочтение связям по женской линии, исключена из официального дискурса и сохраняется в частных отношениях или же в магии: например, мужчину, на которого хотят наслать порчу, оскорбительно называют «сыном своей матери». Помимо случаев, когда женщины говорят о родственных отношениях одной женщины с другими и когда язык женского родства разумеется сам собой, он может использоваться в самой интимной сфере семейной жизни: в разговорах женщины со своим отцом, братьями, мужем, сыном или, в крайнем случае, братом мужа, демонстрируя установление особо доверительных отношений в группе собеседников.

Родственные связи. Случай 1

Родственные связи. Случай 2

Однако множественность прочтений находит объективное обоснование, поскольку браки, идентичные с точки зрения генеалогии, могут иметь различные и даже противоположные значения и функции, в зависимости от стратегий, в которые они включены и которые могут быть переосмыслены лишь в результате воссоздания системы обменов между двумя соединившимися группами, а также состояния этих отношений в данный момент времени.

Стоит только отвлечься от сугубо генеалогических характеристик браков и обратить внимание на стратегии и объективные условия, которые делают их возможными и необходимыми — то есть на индивидуальные и коллективные функции, которые они выполняют, — как обнаруживается, что два брака между кузенами и кузинами по параллельной линии могут не иметь ничего общего между собой, в зависимости от того, были ли они заключены при наличии здравствующего общего дедушки по мужской линии и, возможно, им самим (с согласия обоих отцов или «за их спинами»), или же, наоборот, в результате непосредственного соглашения между двумя братьями. В последнем случае несходство двух браков зависит от того, были ли они заключены, когда будущие мужья были ещё детьми или, наоборот, когда они уже достигли возраста, позволяющего жениться не говоря уже о случае, когда девушка «пересидела в девках»); работают ли братья порознь или они сохраняют единое хозяйство (земли, скот, другие блага) и живут ли они одним домом («общий стол»), не говоря уже о случае, когда сохраняется лишь видимая целостность; отдаёт ли старший брат (dadda) замуж свою дочь за младшего сына брата или, наоборот, старший берёт в жёны сыну дочь младшего брата, поскольку возраст и особенно порядок рождения может быть связан с различиями социального положения и престижа; имеет ли брат, который отдаёт свою дочь, наследника мужского пола или он не имеет мужского потомства (amengur); живы ли оба брата в момент заключения брака или жив только один из них, а точнее, является ли один из живущих отцом мальчика, назначаемым защитником дочери, которую он берёт для своего сына (особенно если у неё нет взрослого брата), или же, наоборот, он отец девочки и может воспользоваться своим доминирующим положением, чтобы заполучить в свою семью зятя. Ещё более усиливает двусмысленность такого брака то, что нередки случаи, когда обязанность пожертвовать собой, «скрыть срам» или защитить обиженную судьбой девушку выпадает на долю мужчины из самой бедной ветви рода. Заполучить от такого человека согласие выполнить долг чести по отношению к девушке своего аатм или даже реализовать своё «право» мужского представителя рода [17] — дело довольно простое, полезное и одновременно похвальное.

На практике брак с кузиной по параллельной линии совершенно необходим лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда, например, речь идёт о дочери amengur'a, то есть того, кто «не справился», кто так и не обеспечил себе мужского потомства. В этом случае интерес и долг пересекаются: брат amengur'a и его дети в любом случае станут наследниками не только земли и дома того, кто «не справился», но и обязательств относительно его дочерей (в частности, в случае вдовства или расторжения брака). С другой стороны, такой брак является единственным способом избежать бесчестия, которое угрожает группе, и, возможно, потери состояния в случае брака с чужим (awrith). Обязанность жениться на кузине по параллельной линии возникает также в случае, когда девушка не нашла мужа, во всяком случае, мужа, достойного её семьи. «Стыдно должно быть тому, у кого есть дочь и кто не выдаёт её замуж». Отношения между братьями не допускают того, чтобы один брат отказался отдать свою дочь сыну своего брата, особенно старшего. В крайнем своём выражении, когда дающий и берущий — одно лицо, выступающее эквивалентом и субститутотом отца, уклонение от брака практически немислимо, точно так же, как в случае, когда дядя просит свою племянницу выйти за кого-то, кому он пообещал её отдать. Более того, выдать замуж свою дочь, не проинформировав об этом братьев и не посоветовавшись с ними, означает нанести им серьёзное оскорбление, а несогласие брата, на которое часто ссылаются как на причину отказа, не всегда является

лишь формальным предлогом. В ещё более жёсткой форме навязываются требования солидарности, а отказ становится совершенно невозможен в случае, когда отец девушки, в нарушение обычаев (предложение руки и сердца всегда исходит от мужчины), сам предлагает свою дочь племяннику в форме максимально осторожного намёка, поскольку чтобы осмелиться на подобное нарушение, нужно заручиться поддержкой очень близких между собой братьев. Так или иначе, но честь и бесчестие неотделимы друг от друга, и оба брата стараются избежать опасности, которую несёт в себе запоздалое замужество женщины, «скрывая срам, прежде чем он откроется», или, на языке символического интереса — прежде чем обесценится символический капитал семьи, неспособной выставить своих дочерей на матримониальный рынок [18]. Всё это свидетельствует о том, что даже в экстремальных ситуациях, когда выбор кузины по параллельной линии предстаёт как суровая необходимость, нет нужды обращаться к этическим или юридическим правилам, чтобы понять: практики являются продуктом стратегий, сознательно или бессознательно ориентированных на удовлетворение определённого типа материальных или символических интересов.

Сама неточность и противоречивость информаторов постоянно указывает на то, что невозможно полностью определить брак в терминах генеалогии и что он обретает различные и даже противоположные смыслы и функции в зависимости от того, воспринимается ли он как добровольный или как вынужденный. Так, брак с кузиной по параллельной линии может быть злом или благом в зависимости от позиции семей друг относительно друга в социальной структуре. Он может стать благом (жениться на дочери аатм означает «как сыр в масле кататься»), и не только в мифическом смысле, но и в плане практического удовлетворения — ведь такой брак наименее расточителен в экономическом и социальном смысле, поскольку переговоры, сделки, а также материальные и символические издержки сводятся к минимуму, не говоря уже о том, что этот брак является наиболее прочным. Различия между браком близких людей и браком людей чужих друг другу описываются в терминах различий между крестьянским обменом и рыночной сделкой [19]. Но такой брак может быть и самым худшим из возможных («Союз дядьев по отцу — *azwaj el laatum* — ранит моё сердце. О, господи, спаси меня от этого несчастья!» [20]), и наименее престижным («Пришли друзья, перешагнули через тебя, а ты остался, ты — чёрный»), и когда к нему прибегают, то это крайнее средство. Одним словом, внешняя противоречивость речей информаторов позволяет увидеть практическую амбивалентность такого генеалогически однозначного брака и, одновременно, заметить манипуляцию объективным смыслом практики и её результатом, допускающим и поощряющим такое сочетание амбивалентности и однозначности.

Достаточно привести один пример, чтобы дать представление об экономическом и символическом неравенстве, которые могут скрываться за классифицирующими генеалогическими отношениями между кузенами по параллельной линии, и показать сугубо политические стратегии, которые прикрываются легитимностью этих отношений. Оба супруга принадлежат к одному и тому же «дому Белаида» — большой семье как с точки зрения численности (всего около сорока человек, из них — дюжина мужчин трудоспособного возраста), так с точки зрения её экономического капитала. Поскольку неделимость есть не более чем отказ от деления, то неравенство между виртуальными «частями» и предшествующими вкладами различных родов ощущается очень остро. Так, ветвь потомков

Ахмеда, которой принадлежит [взятый нами для примера] мальчик, неизмеримо богаче представлена мужчинами, чем ветвь Юсефа, из которой происходит девочка и которая более богата землёй. Обилие мужчин, расцениваемых как репродуктивная сила, то есть надежда на ещё большее увеличение числа мужчин, коррелирует с целой системой преимуществ (при условии, что этот капитал умеют использовать), главным из которых является право ведения внутренних и внешних дел дома; недаром говорится: «Дом, полный мужчин, превосходит дом, полный быков». Исключительная позиция этой ветви подчёркивается и тем, что он сумел присвоить себе имена далёких предков семьи, а также тем, что к членам семьи принадлежат Ахсен, представляющий группу на всех важных внешних встречах семьи, во всех конфликтах и на всех торжествах, и Ахмед, «мудрец», тот, кто своими рассуждениями и советами поддерживает единство группы. Отец девушки, Юсеф, полностью отторгнут от власти не столько из-за разницы в возрасте между ним и его дядьями (Ахсеном и Ахмедом) — известно, что в принятии решений участвуют и более молодые, чем Юсеф, сыновья Ахмеда, — сколько потому, что он самоустранился от соревнования между мужчинами, от всех особенно крупных дел и даже в какой-то степени от земледельческих работ. Будучи единственным сыном и, более того, «сыном вдовы» (Этому выражению соответствует в русской традиции «маменькин сынок». — Прим. пер.), то есть единственной надеждой рода, он был избалован женским окружением, не допускался к играм и занятиям с другими детьми и занимал маргинальное положение на протяжении всей своей жизни: сначала служба в армии, потом сельскохозяйственные работы на чужбине, впоследствии он использовал благоприятное положение, которое обеспечивало ему обладание значительной долей наследства при относительно малом числе едоков, что позволило ему по возвращении в деревню ограничиться работами по охране, уходу за садом и огородом, то есть работами, не требующими ни особой инициативы, ни большой ответственности, одним словом, наименее мужскими из мужских работ. Это всего лишь некоторые аспекты, которые следует принимать во внимание, чтобы понять политическую — внешнюю и внутреннюю — функцию брака Белаида, последнего сына Амара, который сам был сыном Ахмеда и дядей Юсефа, с дочерью этого последнего — Яминой, то есть со своей кузиной по параллельной линии в соответствии с классификацией (дочь сына брата отца отца). С помощью этого брака, который держатели власти Ахмед-мудрец и Ахсен-дипломат заключили как соответствующий обычаям, не проконсультировавшись с Юсефом, предоставив его жене тщетно протестовать против столь мало выгодного брака, доминирующая ветвь укрепляет свою позицию, усиливая свои связи с ветвью, богатой землями, не вредя при этом своему престижу во внешнем мире, поскольку структура домашней власти никогда не демонстрируется вне дома. Таким образом, полная истина этого союза заключается в том, что эта истина двойная. Официальный образ брака, то есть брака между кузеном и кузиной по параллельной линии, принадлежащими к большой семье, которая стремится продемонстрировать своё единство в прочном союзе с целью ещё большего его укрепления и одновременно засвидетельствовать свою приверженность святым традициям предков, бесконфликтно уживается (даже в глазах людей, чужих для группы, но всегда достаточно хорошо информированных — ибо в этом универсуме все знают друг друга достаточно для того, чтобы никогда не ошибаться в навязываемых им представлениях) с объективной истиной союза, которая санкционирует вынужденный альянс между двумя социальными единицами, когда последние достаточно негативно связаны друг с другом, и в радости и в горе, то есть генеалогически, чтобы быть вынужденными объединять свои взаимодополняющие богатства. Такие примеры двойной

игры коллективного мошенничества можно приводить до бесконечности.

Конечно, речь не идёт о том случае, когда объективный смысл брака так очевиден, что не оставляет места для символических переодеваний. Так, случай, когда так называемый *mechrut* («некто в плохом положении»), отец, лишённый потомства мужского пола, получает возможность отдать свою дочь за «наследника» (*awrith*), при условии, что тот переселится в его дом, только в сказках или книгах по этнографии может быть завуалирован и может скрывать суть этой разновидности покупки зятя, принимаемого за его производительную силу и способность к воспроизводству, которые механически применяемые принципы официального видения мира хотели бы здесь увидеть [21]. В каком бы регионе это не происходило, те, кто говорят, что такая форма брака им незнакома, что она встречается лишь в других краях, не лукавят. Действительно, более углублённый анализ генеалогий и семейных историй не позволил обнаружить ни одного случая, который бы полностью соответствовал этому определению («я тебе даю свою дочь, но ты поселишься у меня»). Тем не менее можно точно с такой же уверенностью утверждать, что нет такой семьи, в которой не было бы хотя бы одного *awrith*, но замаскированного под официальный образ «компаньона» или «приёмного сына»: слово *awrith*, «наследник», есть не что иное, как официальный эвфемизм, позволяющий благопристойно назвать неназываемое, то есть человека, который в принимающем его доме может быть определён лишь как муж своей жены. Само собой разумеется, что человек чести, искушённый в этих делах, всегда может рассчитывать на поддержку своей группы в попытках представить как усыновление такой союз, который — в циничной форме контракта — представляет собой извращение любых уважаемых форм брака и в качестве такового столь же унизителен для *awrith* (о таком говорят «он — замужем»), как и для родителей девушки, достаточно заинтересованных в том, чтобы отдать дочь в руки этого своего рода бесплатного слуги. И совершенно естественно, что в таком случае группа идёт на выгодную для неё ложь, тем самым стараясь скрыть, что она не смогла найти для *amergur* более достойного средства, чтобы избежать «гибели» семьи.

Стратегии второго порядка, которые всегда стремятся обратить полезные связи в связи официальные, то есть сделать так, чтобы практики, подчиняющиеся в действительности другим принципам, казались вытекающими из генеалогического определения, достигают сверх того непредусмотренной цели, поскольку создают такое представление о практике, которое как бы специально подтверждает то, что спонтанно рисует себе этнолог, этот «специалист по ритуалам». Обращение к правилу, этому приюту незнания, освобождает от необходимости всестороннего учёта материальных и особенно символических расходов и доходов, который содержится в основании и смысле бытия практик.

Обычное и необычное

Далеко не подчиняясь норме, которая внутри системы официального родства назначала бы того или иного обязательного супруга, заключение брака находится в непосредственной зависимости от состояния практического родства, от родственных связей, установленных и используемых как между мужчинами, так и между женщинами, а также от соотношения сил внутри «дома», то есть между родами, объединёнными браком в предыдущем поколении,

которые склоняют и обязывают разрабатывать то или иное поле связей.

Если допустить, что одна из главных функций брака состоит в воспроизводстве социальных отношений, чьим продуктом он и является, то легко понять, что различные типы брака, которые можно выделить, выбрав в качестве критерия как объективные характеристики соединившихся групп (их положение в социальной иерархии, их разнесённость в пространстве и тому подобное), так и характеристики самой свадебной церемонии и, в частности, степень её торжественности, тесным образом соответствуют самим характеристикам социальных связей, благодаря которым эти браки стали возможными и их же воспроизводят. Официальное родство, коллективно назначаемое и социально признанное, есть то, что делает возможными и необходимыми официальные браки, которые дают ему единственную возможность практической мобилизации в качестве группы и тем самым подтверждения своего единства, столь же торжественного и одновременно искусственного, как и поводы для его празднования. Именно в практическом родстве, то есть в поле связей, непрерывно используемых и таким образом обновляемых для нового использования, замышляются обычные браки, обречённые, по причине их частоты, на заурядность ничем не примечательного и на банальность обыденного. Общий закон обменов предполагает, что часть своей работы по воспроизводству группа посвящает воспроизводству официальных связей, тем более значительную, чем выше группа расположена в социальной иерархии, а следовательно, чем она богаче связями такого сорта. Из этого следует, что бедные, у которых нет ничего, что можно было бы потратить на торжества, стараются ограничиться обычными браками, которые обеспечивают им практическое родство, в то время как богатые, то есть имеющие более всего родни, требуют большего и жертвуют большим ради разного рода более или менее институционализированных стратегий, направленных на поддержание социального капитала, в котором самым важным, безусловно, является чрезвычайного типа брак с высокопрестижными «чужими».

Среди искажений, присущих спонтанной этнологии местных информаторов, самое коварное состоит, несомненно, в том, что они уделяют несоразмерно большое место таким необычным бракам, которые отличаются от обычных позитивным или негативным образом. Помимо разного рода *sigiosa* (о которых этнографу часто сообщают добровольные информаторы), как, например, брак типа обмена (*abdal*, когда двое мужчин «обмениваются» между собой своими сёстрами), брак по типу «присоединения» (*thirni*, когда два брата женятся на двух сёстрах, при этом вторая сестра «присоединяется» к первой, или когда сын женится на сестре или даже дочери второй жены своего отца) либо особый тип брака — «брак по репарции», женитьба на вдове умершего брата (*thiririth*, от *err* — отдавать, возвращать), местные информаторы предпочитают экстремальные случаи: либо наиболее полноценный в мифологическом отношении брак между кузеном и кузиной по параллельной линии, либо наиболее полноценный в политическом отношении брак, объединяющий старейшин двух племён или двух разных кланов.

Таким образом, сказка — этот полуритуализированный дискурс, наделённый дидактической функцией, простой парафраз в иносказательной форме поговорки или пословицы, выполняющих роль морали — отбирает исключительно браки, так или иначе отмеченные и отмечающие. Прежде всего различные типы женитьбы на кузине по параллельной линии,

чья цель в сохранении политического наследия или предотвращении вымирания рода (в случае единственной дочери). Затем наиболее явные мезальянсы, как, например, брак между филином и дочерью орла, этот наиболее очевидный случай брака «по восходящей» (как в социальном, так и в мифологическом смысле: верх противопоставляется низу, как день, свет, счастье, чистота, честь противопоставляется ночи, темноте, несчастью, грязи и бесчестию) между женщиной, находящимся на низшей ступени социальной лестницы, аwriч, и женщиной из семьи с более высоким социальным положением. В таком браке традиционная поддержка оказывается вывернутой наизнанку по причине несоответствия положений супругов в социальной иерархии и иерархии по полу. В данном случае дающий и занимающий более высокую позицию должен прийти на помощь тому, кто берёт и стоит на низшей ступени: орёл вынужден посадить себе на спину зятя-филина, чтобы тот позорно не проиграл в соревновании с орлятами, — скандальная ситуация, выражающаяся в поговорке «отдал ему свою дочь, да ещё пшеницы дал в придачу».

Вопреки подобным официальным представлениям, наблюдения и статистика показывают, что во всех исследованных группах «дальние» браки — это чаще всего просто обычные браки, затеваемые, как правило, женщинами для поддержания родства или практических связей, благодаря которым они становятся возможными и чьему усилению способствуют.

Так, например, в большой семье деревни Агбала в Малой Кабилии из 218 браков мужчин (первого для каждого из них) 34 процента были заключены с семьями, не входящими в состав племени; и лишь 8 процентов браков, заключённых с самыми удалёнными как пространственно, так и социально группами, обладают всеми чертами престижных браков: они касаются только одной семьи, которая стремится дистанцироваться от других родов с помощью оригинальных матримониальных практик; оставшиеся 26 процентов далёких браков лишь возобновляют ранее установленные отношения (связи «через женщин» или «через дядьев по материнской линии» постоянно поддерживаются по случаю свадеб, отъездов и возвращений из путешествий, похорон и иногда даже в связи со строительными работами). Две трети браков (66 процентов) заключаются внутри племени (состоящего из девяти деревень): если исключить союзы с оппозиционным кланом, которые составляют всего 4 процента и всегда имеют политическое значение (особенно для старших поколений) по причине традиционного антагонизма, противопоставляющего обе группы, остальные браки входят в разряд обычных. В то время как насчитывается 17 процентах случаев, где браки связаны с выбором в других родах, и 39 процентах — с выбором в области практических связей, только 6 процентов союзов заключено внутри рода, из которых 4 процента с кузиной по параллельной линии и 2 процента с кузиной другого типа (две трети рассматриваемых семей к тому же нарушили неделимость состояния) [22].

Об обычных браках между семьями, связанными между собой частыми и давними обменами, ничего особенного не говорят, кроме того, что так было всегда, и всегда было одинаково, и что их единственной функцией, помимо биологического воспроизводства, является воспроизводство социальных отношений, которые и делают их возможными [23]. Необычные (экстраординарные) браки, заключаемые по инициативе мужчин из различных деревень или племён, одним словом, за рамками обычного родственного окружения, и, как правило, празднуемые с большой помпой, соотносятся с обычными (ординарными) браками, заключение которых обычно не сопровождается особыми торжествами, так же как обмены в

обычной жизни с необычными обменами, представляющими чрезвычайные возможности, выпадающие на долю представительской родни.

Все необычные браки похожи друг на друга тем, что исключают участие женщин. Но в отличие от брака между кузеном и кузиной по параллельной линии, сговор о котором происходит между братьями или другими мужчинами рода с благословения старейшины (этим только необычные браки и отличаются [24] от обычных, невысказанных без вмешательства женщин), брак, заключаемый вдали от отчего дома, официально предстаёт как политический. Такой брак заключается вне поля обычных семейных связей, сопровождается пышной свадебной церемонией, вовлекает большие группы людей, и единственным его оправданием является обоснование политического характера: например, скрепить мир или установить союз между «главами» двух племён [25]. Обычно решение о таком браке принимается на базаре, в каком-либо нейтральном месте, куда не допускаются женщины и где роды, кланы и племена встречаются между собой, оставаясь всегда начеку. Весть о свадьбе разносится специальным глашатаем — «крикуном», в отличие от другого типа свадеб, куда собираются лишь родственники и нет торжественных приглашений. В таком браке женщина предстаёт лишь как политический инструмент, своего рода залог или разменная монета, могущая принести символические барыши. Такой брак — возможность публично и официально, то есть совершенно легитимно, выставить напоказ символический капитал семьи, организовать, так сказать, представление своей родни и тем самым приумножить этот капитал ценой очень больших затрат. Этот брак подчиняется логике накопления символического капитала: так, если брак с чужеземцем, оторванным от своей группы и нашедшим убежище в другой деревне, не вызывает никакого уважения, то брак с чужеземцем, живущим вдалеке, престижен, поскольку свидетельствует о широко распространившейся известности рода. Точно так же, в отличие от обычных браков, которые идут давно «проторёнными путями», политические браки не повторяются и не могут повторяться, иначе союз был бы обесценен, стал бы обычным. В этом также проявляется сугубо мужской характер политического брака, он часто противопоставляет отца невесты её матери, менее заинтересованной в символической выгоде, которую может принести этот брак, но более чувствительной к трудностям такого брака для дочери, обречённой жить на чужбине (thagbhribth — ссыльная, брошенная на восток) [26]. В той мере, в какой, через посредничество непосредственно заинтересованных семей и родов, политический брак устанавливает связи между широкими группами, он становится целиком и полностью официальным, а потому нет ничего в его церемонии, что не было бы строго ритуализировано и чудесным образом стереотипизировано: несомненно, потому, что ставка в таких браках очень велика, а опасности разрыва столь многочисленны и разнообразны, что нельзя целиком полагаться на отрегулированную импровизацию согласованных габитусов.

Интенсивность и торжественность ритуальных акций возрастает по мере того, как мы переходим от браков, заключённых в единой семье или в кругу практической родни, к необычным бракам, где можно наблюдать во всей полноте церемониал, который при обычном браке сводится к самой упрощённой форме. Браки, заключённые в привилегированном секторе рынка (секторе akham), который властью старейшины и солидарностью агнатов образует свободную зону, где по определению исключены пустые обещания и какая-либо конкуренция, отличаются значительно более низкой ценой, чем

необычные браки. Часто союз устанавливается сам собой, либо для его установления бывает достаточно незаметного посредничества женщин этой семьи. Приготовления к свадьбе ограничиваются самым необходимым. В первую очередь сводятся до минимума расходы (thaqifats) на свадебный кортеж семьи невесты; на церемонии imensi, где заключается брачный контракт, собираются лишь самые почётные представители двух семей (порядка 20 мужчин). Приданое невесты (ladjaz) составляет не более трёх платьев, двух платков и нескольких обычных принадлежностей (пара обуви, hank); «вдовье наследство» — сумма, получаемая в случае смерти супруга, обговаривается заранее, в зависимости от того, какое приданое должны купить на базаре родители невесты (матрас, подушку, сундук, к которым прилагаются также одеяла — предметы семейного рукоделия, передающиеся от матери к дочери) — всё вручается без особой торжественности, никого не обманывают и ничего не скрывают. Что касается расходов на свадьбу, то их также стремятся свести к минимуму, стараясь, чтобы она совпала с праздником Аид. Тогда барашек, традиционно приносимый в жертву по случаю праздника Аид, служит угощением к свадебному столу, а многие приглашённые присылают извинения, что не могут быть по причине всё того же праздника. Таким обычным бракам, восхваляемым традиционной крестьянской моралью по контрасту с «замужеством вдовых дочерей», которые нарушают границы социально допустимого для каждой семьи), необычные браки противостоят во всех отношениях. Для того чтобы пробудилось амбициозное желание искать невесту в чужом краю, нужно иметь особую предрасположенность в виде привычки поддерживать неординарные контакты, то есть обладать необходимыми для этого способностями, в частности лингвистическими.

Нужно иметь большой капитал исключительно дорогостоящих связей в отдалённых краях, которые одни только и могут предоставить точную информацию, а также посредников, необходимых для заключения соглашения. Одним словом, чтобы суметь мобилизовать этот капитал в нужный момент, надо долго и помногу вкладывать. Приведём один пример, когда глав сообщества марабутов попросили послужить посредниками, за их работу им оплатили множеством способов: «талев» деревни, самое высокопоставленное духовное лицо, состоящее в кортеже (iqafafen), обут и одет с иголки «хозяином свадьбы», а дары, которые ему традиционно преподносятся в виде денег — во время религиозных праздников, и натурой — во время сбора урожая, некоторым образом соответствуют величине оказанной услуги: барашек на праздник Аид — лишь один из видов компенсации за то унижение, которое он испытал, ходатайствуя перед мирянином (который, сколь бы ни был могуществен, не несёт учение Корана «в своём сердце»), и за то, что он благословил свадьбу с высоты своей веры и своего учения.

После того как соглашение достигнуто, церемония «обязательства» (asarus, внесения залога, thimristh), выполняющая функцию обряда присвоения (aaayam — назначение, или, иначе, avlak — указание, сходная с церемонией первой распаханной борозды; или, ещё точнее, amlak — освоение, в том же смысле, что и освоение земли), сама по себе есть уже как бы свадьба. На эту церемонию приходят с подарками не только для невесты (которая получает предназначенный для неё «залог» в виде драгоценностей и денег от всех мужчин, которых она встречает в этот день, — thizri), но и для всей женской части семьи: с продуктами (крупы, мёд, масло и так далее), с домашним скотом, который будет прирезан и съеден гостями или передан невесте. На церемонию приходит много людей, мужчины демонстрируют свою силу, стреляя из ружей, как в день свадьбы. На всех торжествах,

сопровождающих весь этот период вплоть до свадьбы, невеста (thislith) будет получать свою «долю»: большие семьи, живущие далеко друг от друга, не могут ограничиться обменом несколькими блюдами кускуса — подарки делаются соразмерно объединяющимся группам. Девушка, о которой уже сговорились, которая уже «отдана», «присвоена» и «должна сохранить память» с помощью множества подарков, тем не менее ещё не приобретена. Её семье предоставляется почётное право ждать и заставлять ждать других столько времени, сколько она пожелает. Конечно, свадьба представляет собой кульминацию символического столкновения двух групп, а также момент самых больших расходов. В семью невесты *thaqifats* посылается два центнера крупы, как минимум, полцентнера муки, в изобилии мяса (в живом виде), которое, как все понимают, не будет съедено полностью, 20 литров мёда, 10 литров масла. Рассказывают, что на одной свадьбе в семью невесты пригнали бычка, пять баранов и послали в придачу тушу ещё одного барана (*ameslukh*). Правда, делегация *iqafafen* состояла из 40 мужчин с ружьями, к ним ещё следует добавить всех родственников и почётных лиц, возраст которых освобождает их от необходимости стрелять — то есть всего 50 человек. Приданое невесты, которое в таком случае может насчитывать до 30 предметов, дублируется подарками другим женщинам из семьи невесты. И если часто можно слышать, что между большими людьми нет *chrut* (то есть условий, выполнения которых требует отец дочери прежде, чем дать своё согласие), то это потому, что статус семей сам по себе выступает гарантией выполнения с лихвой заранее оговорённых явным образом «условий». Обряд передачи «вдовьего наследства» (*douaire*), представляет собой случай полного столкновения двух групп, в котором экономическая ставка является также показателем символического капитала, а потому может стать предлогом столкновения. Требовать для своей дочери больших «вдовьих» или назначать выплату большого *douaire*, чтобы женить сына, — значит в обоих случаях утвердить или же обрести высокий престиж. Обе группы стремятся доказать, чего они «стоят»: одна — показывая, какую цену люди чести, знающие цену всему, назначают за союз с собой; другая — с блеском демонстрируя, насколько они ценят себя, выказывая готовность дорого заплатить за то, чтобы иметь дело с партнёрами, достойными их самих. В результате своего рода торга «наоборот», скрывающегося под видимостью обычного торга, обе группы незаметно сходятся на том, чтобы поднять ценность «вдовьего наследства», понимая, что оно является безусловным показателем символической ценности их продукции на рынке матримониальных обменов. И нет похвальнее поступка, чем поступок отца невесты, который, завершая ожесточённый торг, торжественно возвращает значительную часть полученной суммы. Чем более существенна возвращённая сумма, тем больше почёта она приносит, как если бы завершение сделки таким щедрым жестом должно было конвертировать в честь весь этот торг, который не был бы столь откровенно жёстким, если бы за поиском максимизации материальной выгоды не прятались поединок чести и попытка увеличить символическую прибыль [27].

Что касается брака с кузиной по параллельной линии, то своей исключительной позицией в местном и, как следствие, в этнографическом дискурсе этот брак обязан тому, что наилучшим образом соответствует мифоритуальному представлению о разделении труда по половому признаку и, в частности, о тех функциях, которые предписываются мужчине и женщине во взаимоотношениях между группами. Прежде всего он содержит самую радикальную формулировку отказа от признания отношения родства как такового, а следовательно, оно представляется как простое удвоение отношений преемственности:

«женщина ни объединяет, ни разъединяет» (известна свобода, которая теоретически предоставлена мужу разводиться с женой, и практически неведома ситуация, когда такой же свободой располагала бы пришедшая жена, по крайней мере до тех пор, пока она не родит наследника мужского пола, а то и дольше, а также амбивалентность отношения между племянником и дядей по материнской линии). Часто брак между параллельными кузеном и кузиной восхваляют за то, что дети от такого брака («чьё происхождение без примесей, чья кровь чиста») могут относиться к одному и тому же роду, по отцовской или по материнской линии («Он взял себе дядьев по материнской линии там, откуда идут его корни», — *ichathel, ikhawel*; или по-арабски: «своего дядю по матери и своего дядю по отцу» — *khalu aammu*). Кроме того, исходя из того, что женщина несёт в себе угрозу нечистоты и бесчестия для всего рода («позор, — как говорится, — это молодая девушка», а зятя иногда называют «покрывало позора» [28]), утверждается, что лучшая или наименее плохая женщина происходит из агнатов: это кузина по параллельной отцовской линии, самая мужская из женщин, крайним выражением которой является самый невозможный продукт патриархального воображения — Афина, рождённая из головы Зевса. «Женись на дочери твоего аамт: даже если она и будет тебя грызть, то уж не проглотит». Параллельная кузина по отцовской линии, эта культурная и вышколенная жена, противопоставляется кузине по параллельной материнской линии, как женщине простой, сгорбленной, приносящей несчастье и нечистоту, как женское-мужское противопоставляется женскому-женскому, то есть в соответствии со структурой (типа A/B — B1/b2), в соответствии с которой организуется также мифическое пространство дома или сельскохозяйственного календаря [29]. Понятно, что женитьбу на дочери брата отца благословят все и что она способна принести благословение всей группе. Такой женитьбе сообщалась роль ритуала, открывающего брачный сезон, который, подобно тому как аналогичный ритуал открытия пахотных работ позволяет отвести угрозу, возникающую при соприкосновении мужского и женского, огня и воды, неба и земли, лемеха и борозды, то есть позволяет отвратить неотвратимое осквернение [30].

Нет ни одного информатора, ни одного этнолога, который не считал бы, что у арабов и берберов каждый мальчик имеет «право» на свою кузину по параллельной линии: «Если мальчик хочет дочь брата своего отца, он имеет на неё право. Но если он её не хочет — его не спрашивают. Это как земля». Несмотря на то, что эти слова информатора гораздо ближе к реальности практик, чем к этнографическому юридизму, который даже не подозревает, что существует гомология между отношением к женщинам рода и отношением к земле, тем не менее они скрывают бесконечно более сложную реальную связь, которая объединяет индивида с его кузиной по параллельной линии. Ведь пресловутое право на дочь брата отца может оказаться долгом, подчиняющимся тем же принципам, что и обязанность отомстить за родственника или выкупить семейные земли, на которые позарились чужие, и возлагающимся со всей своей полнотой лишь в исключительных обстоятельствах. Тот факт, что право преимущественной покупки (*achfaa*) земель сформулировано и закреплено законом в учёной юридической традиции (обладающей институционализированной властью и гарантированной судами), а также подкреплено «обычаем» (*qanun*), ни в коей мере не подразумевает, что формальное или обычное право может стать основами практик, реально существующих в отношении оборота земель. Продажа унаследованной земли — это прежде всего внутреннее дело рода, а обращение к власти, которая превращает долг чести в правовое обязательство (будь то собрание клана или деревни), является исключением; за

обращением к праву или обычаю *shaḥaa* ('или *aḥaḥaa*) чаще всего кроются основания, ничего общего с правовыми не имеющие (например, намерение объявить о недоверии покупателю и потребовать отмены продажи земли как незаконной), но движущие большинством практик купли-продажи земель. Обязательство взять в жёны женщину, положение которой можно сравнить с положением невозделанной земли, покинутой её хозяином (*athbur* — девушка; *bur* — целина), — это такое же обязательство, что и выкупить землю, выставленную на продажу одним из членов группы, или перекупить землю, попавшую к чужим людям, которые её плохо защищают и возделывают, но только навязывается оно с меньшей настойчивостью и с неизмеримо меньшей силой, чем требование мести за убийство члена группы. Во всех этих случаях императивность долга является производной от позиции агентов на генеалогическом древе и от их диспозиций. Так, если речь идёт о мести, долг чести может выглядеть в глазах одних почётным правом (случается, что за одно и то же убийство мстят дважды), другие же всячески стараются уклониться и подчиняются выполнению долга лишь под давлением. В случае с землёй материальный интерес выкупа земли очевиден, поэтому иерархия почётного права и обязанности совершить покупку проявляется здесь более явно, и одновременно она чаще нарушается, что влечёт за собой конфликты и очень сложные сделки между теми членами семьи, которые чувствуют, что обязаны купить, но не могут, и теми, кто наделён меньшими правами и обязанностями, но располагает достаточными средствами, чтобы это сделать.

Вопреки всей этнологической традиции, которая лишь воспроизводит официальную (отвечающую мужским интересам) теорию, в соответствии с которой всякий мужчина обладает своего рода преимущественным правом на кузину по параллельной линии (согласно официальному представлению, приписывающему мужчине превосходство, а следовательно, инициативу во всех отношениях между полами), следует напомнить, что женитьба на кузине по параллельной линии в некоторых случаях выступает как необходимость, продиктованная отнюдь не генеалогическим правилом.

Действительно, на практике этот идеальный брак выступает часто как вынужденный выбор, который иногда стараются представить как выбор идеала, делая, таким образом, из нужды добродетель, что встречается в самых бедных родах либо самых бедных ветвях доминирующих родов (клиенты). В любом случае такой брак характерен для групп, которые отличаются ярко выраженным стремлением утвердить своё отличие, ибо его объективным результатом всегда является усиление интеграции минимальной структурной единицы и, соответственно, её отличия от других структурных единиц. Такой союз, предназначенный, благодаря своей амбивалентности, играть роль удачного брака для бедных, представляет собой элегантный выход для тех, кто, наподобие разорённого аристократа, способного защищать свою честь лишь в пространстве символического, стремится найти в напускном ригоризме средство подкрепить своё отличие; как та ветвь, что отделилась от группы, из которой она происходит, и озабочена поддержанием своей оригинальности; как семья, что старается подтвердить благородные черты, отличающие её род, прибегает к чрезмерной строгости (этим особенно отличаются семьи в сообществах марабутов); как клан, подчёркивающий своё отличие от оппозиционного клана посредством более строгого следования традициям (таков случай Аит Мадхи и Аит Нихем) и так далее. Именно потому, что брак с кузиной по параллельной линии может быть представлен как высшее благо и, при некоторых обстоятельствах, как самый «благородный», он представляет собой форму

необычного брака, который можно себе позволить с наименьшими расходами, не тратя средств на свадебную церемонию, минуя опасные переговоры и избегая выплаты слишком больших «вдовьих». Как не заметить, что такой брак является наиболее удачным способом превратить нужду в добродетель и соблюсти все нормы приличия.

Но каков бы ни был брак, он обретает свой смысл лишь относительно всей совокупности других возможных браков (говоря точнее, относительно поля возможных партнёров). Иными словами, любой брак помещён в континуум, на одном полюсе которого находится брак кузена с кузиной по параллельной линии, а на другом — брак между представителями различных племён. Оба эти брака обозначают точки наивысшей концентрации двух ценностей, которые всякий брак стремится максимизировать: с одной стороны, интеграция слабых структурных единиц и безопасность; с другой стороны — альянс и престиж, то есть открытие во внешний мир, к чужим. Перед каждым браком возникает проблема выбора между слиянием и расщеплением, между внешним и внутренним, между безопасностью и риском. Если брак с кузиной по параллельной линии и обеспечивает максимум интеграции слабой группы, то он лишь дублирует родственные связи союзными, понапрасну растрачивая в этой избыточности возможности создавать новые альянсы, представляемые браком. Дальний брак, наоборот, может обеспечить престижные альянсы лишь ценой отказа от интеграции рода и братских отношений, этой основы агнатической структуры. Именно об этом постоянно твердит местный дискурс. Центростремительная сила, то есть фетишизация внутреннего, безопасности, автаркии, чистоты крови, агнатической солидарности, всегда вызывает — хотя бы для того, чтобы себя противопоставить — центробежное движение, восхваление престижных союзов. Под видимостью категорического императива всегда скрывается расчёт максимума и минимума, поиск максимума альянса, совместимого с сохранением или усилением интеграции между братьями. На это указывает синтаксис дискурса, который всегда является синтаксисом предпочтительности: «Лучше скрыть своё достоинство, *nif*, чем выпячивать его перед другими»; «Я род (*adhrrum*) на лепёшки (*aghrum*) не меняю», «Внутри лучше, чем снаружи», «Первое безумие — отдавать дочь *aamt* чужим мужчинам; второе безумие — идти на рынок без денег; третье безумие — вступать в схватку со львами на горной вершине». Эта последняя поговорка наиболее показательна, поскольку она, внешне полностью осуждая дальний брак, безусловно признает его логику, а именно логику подвига, героизма, престижа. Нужно обладать сумасшедшим авторитетом и наглостью, чтобы осмелиться прийти на рынок без денег, намереваясь что-то купить, точно так же как нужна безумная отвага, чтобы вступить в борьбу со львами, этими смелыми чужеземцами, у которых, как гласят многие народные легенды, основатели города должны были отбить свою женщину.

Матримониальные стратегии и социальное воспроизводство

Характеристики брака и, в частности, та позиция, которую он занимает в определённой точке континуума между политическим браком и браком с кузиной по параллельной линии, зависят от целей и средств коллективных стратегий заинтересованных групп. Исход

матримониальной игры каждой участвующей в ней стороны зависит, с одной стороны, от материального и символического капитала, которым располагают данные семьи, от степени свободы выбора орудий производства, от людей, выступающих одновременно и в качестве производительной силы, и силы воспроизводства, а также — как в прежние времена — в качестве военной и тем самым символической силы. С другой стороны, результат игры зависит от компетентности, которая позволяет ответственным за стратегии извлекать из этого капитала наибольшую выгоду, поскольку практическое владение экономической логикой (в самом широком смысле) является условием производства практик, считающихся «разумными» в группе и положительно оцениваемых объективными законами рынка материальных или символических благ.

Коллективная стратегия, которая в результате приводит к тому или иному «ходу» (как в случае брака, так и в любой другой области практики), есть не что иное, как продукт комбинации стратегий заинтересованных агентов, который сообщает их интересам вес, соответствующий их позициям в определённый момент времени в структуре соотношения сил внутри семьи. Примечательно, что матримониальные переговоры являются действительно делом всей группы, так как каждый в нужный момент исполняет свою роль и таким образом вносит свой вклад в успех или провал проекта. Это прежде всего женщины, отвечающие за неофициальные и неокончательные контакты, которые позволяют начать полуофициальные переговоры без опасения наткнуться на унижительный и грубый отказ. Это могут быть самые почтенные члены представительской родни, которые в качестве гарантов, уполномоченных представлять интересы своей группы и открыто назначенных официальных выразителей, посредничают и ходатайствуют, демонстрируя при этом символический капитал семьи, способной мобилизовать столь достойных мужчин. В итоге обе эти группы совместно включаются в выработку решения, подвергая бурному обсуждению матримониальные проекты, отчёты о том, как были приняты предложения делегированных лиц, а также разрабатывая направления дальнейших переговоров. Более того — и это должны принять к сведению этнологи, которые при характеристике брака ограничиваются лишь его генеалогическим определением, — с помощью квазитеатрального представления о себе, которое разыгрывает каждая группа при заключении брака, обе они проводят своего рода систематическое исследование, определяющее весь набор переменных, характеризующих не только супругов (возраст и в особенности разницу в возрасте, предшествующие матримониальные истории, порядок по рождению в семье, отношения теоретического и практического родства с главным авторитетом в семье и так далее), но также и весь род каждого. Всевозможные переговоры и сделки, предусматриваемые престижными дальними браками, являются поводом предъявить и измерить капитал чести женщин и доблесть мужчин, которыми располагают оба рода, качество сети союзов, на которые они могут рассчитывать, а также групп, которым они традиционно противостоят, позицию семьи в группе (что является особенно важной информацией, поскольку при выдвижении престижных родственников можно скрыть свою подчинённую позицию внутри престижной группы плюс состояние отношений между семьёй и другими членами группы, то есть степень интеграции семьи (неделимость и так далее), структуру соотношения сил и авторитета внутри семейной структуры (в частности, когда идёт речь о замужестве дочери в женском окружении) и так далее).

В социальном образовании, ориентированном на простое, то есть биологическое, воспроизводство группы, на производство благ в количестве, необходимом для выживания, и, в неразрывной связи с этим, на воспроизводство структуры социальных и идеологических отношений, в которых и посредством которых осуществляется и легитимируется производственная деятельность, основаниями стратегий различных категорий агентов — чьи интересы могут быть противоположными внутри семейной структуры по разным вопросам и, в частности, в отношении брака — могут выступать системы интересов, которые им объективно предписывает система диспозиций, характерных для определённого способа воспроизводства. Эти диспозиции, которые ориентируют рождаемость, родственные связи, дом, наследство и брак в конечном счёте на одну и ту же функцию, а именно функцию биологического воспроизводства, объективно согласованы между собой [31]. В экономике, характеризующейся относительно равномерным распределением средств производства (чаще всего являющихся неделимой принадлежностью ветви рода), а также слабостью и стабильностью производственных сил, которые исключают производство и накопление существенных излишков и, следовательно, развитие сильной экономической дифференциации, семейное хозяйство имеет целью сохранение и воспроизводство семьи, но не производство прибавочного продукта. В таких условиях изобилие мужчин представляется безусловно излишним, если с сугубо экономической точки зрения видеть в них только «руки» и, соответственно, «рты» (тем более что в Кабилии всегда имелась достаточная временная рабочая сила: беднота во время сезонных работ собиралась в бригады, которые кочевали из деревни в деревню). В действительности, в основании оценки мужчин как «оружия», то есть не только как рабочей, но и военной силы (земля ценится не только теми, кто её обрабатывает, но и теми, кто её защищает), безусловно, лежит политическая нестабильность, которая подпитывает себя тем, что формирует диспозиции, требующие нанесения ответного удара в виде войны, драки, насилия или мести. Если наследство рода, который символизирует имя, определяется не только владением землёй и домом — что является очень ценным, а потому уязвимым, — но и владением средствами по обеспечению их сохранности, то есть мужчинами, то это лишь доказывает, что земля и женщины никогда не сводятся к роли простого инструмента производства или воспроизводства и ещё менее — товара или даже «собственности». Посягательство на эти блага, одновременно материальные и символические, является посягательством на хозяина, на его *nif*, то есть его «доблесть», его «сущность», как их определяет группа. Отчуждённая земля, как и кража или не отмщенное убийство, представляет собой разные формы одного и того же оскорбления, которое призывает во всех случаях к одному и тому же ответному удару со стороны долга чести: равно как «выкупается» убийство, только в логике символического повышения цены, с помощью нанесения удара по человеку, ближе всех стоящему к убийце, или по самому почётному члену группы, также «выкупается» любой ценой и земля предков, даже если она неплодородна, чтобы ответить на вызов, постоянно бросаемый чести группы. Как, по логике вызова, лучшей с технической и символической точки зрения землёй считается земля, наиболее интегрированная в наследство, так и мужчина, поражая которого можно наиболее демонстративно, то есть наиболее жестоко отомстить всей группе, — это наилучший её представитель. Этика чести есть преобразованное выражение этой экономической логики, а обобщая, можно сказать, что она есть этика интереса тех социальных образований, групп или классов, в чьём наследстве, как в данном случае, символический капитал составляет значительную часть.

Существует чёткое разграничение между понятиями *nif*, «доблесть», и *h'urma*, «честь», совокупность того, что составляет *h'agam*, что запрещается, что составляет уязвимость группы, что есть в ней самого святого (и соответственно между обидой, которая задевает только долг чести, и кощунственным оскорблением). Простой вызов, брошенный долгу чести (*thizi nennit*, состояние, в котором находится тот, кому брошен вызов: *sennif* посредством *nif*: «а тебе слабо, спорим?»), отличается от оскорбления, которое задевает честь. Реакция какого-нибудь *нувориша*, который, пытаясь загладить покушение на *h'urma*, вызывает обидчика померяться силой или деньгами, смешивая понятия оскорбления и понятие обиды, подвергается осмеянию. Посягательство на *h'urma* исключает уловки или улаживания типа *diya*, компенсации, выплачиваемой семьёй убийцы семье жертвы. О человеке, который её принимает, говорят: «Это тот, кто согласился пить кровь своего брата, для него важен только желудок». В случае оскорбления, даже если оно нанесено косвенно или случайно, воздействие мнения таково, что не остаётся иного выбора, кроме мести — иначе грозит бесчестие и ссылка.

Только лишь пунктуальное и деятельное соблюдение доблести (*nif*) может гарантировать целостность чести (*h'urma*), которая самой своей природой сакрального открыта для кощунственного осквернения, и обеспечить выражение уважения и почтения тому, кто имеет достаточно доблести, чтобы не допустить нападков на свою честь. *H'urma* в смысле сакрального (*h'agam*) и *nif*, *h'urma* в смысле достоинства неотделимы друг от друга. Чем более уязвима семья, тем больше она должна иметь *nif* для защиты своих святынь и тем больше почестей и уважения выражает ей общественное мнение. Так, бедность отнюдь не противоречит и не исключает достоинство, она лишь усиливает заслуги того, кто, несмотря на то, что он открыт оскорблениям, способен вызвать к себе уважение. И наоборот, доблесть имеет значение и играет какую-то роль лишь для человека, для которого существуют вещи, достойные того, чтобы их защищали. Человек, лишённый святынь (как холостяк), может не проявлять доблести, поскольку он в определённом смысле неуязвим. То, что называют *h'agam* (а точнее говоря, табу), — это, в сущности, сакральное левое, *h'urma*, иначе говоря, — внутренность, а точнее, область женского, секретный мир, закрытое пространство дома в противоположность внешнему, открытому миру публичного пространства, предназначенному для мужчин. Сакральное правое — это, главным образом, «ружья», то есть группа агнатов, «сыновей дяди по отцовской линии», все те, чья смерть должна быть искуплена кровью, те, кто обязан совершить кровную месть. Ружье есть символическое воплощение *nif* агнатической группы, *nif*, понимаемого как то, чему может быть брошен вызов и что позволяет принять вызов. Итак, пассивности *h'urma*, имеющей женскую природу, противостоит активная восприимчивость *nif*, образцового мужского качества. В конечном счёте, именно *nif* как бойцовое качество (физическое или символическое), от которого зависит материальное и символическое наследство группы, составляет как могущество, так и слабое место группы.

Мужчины составляют политическую и символическую силу, выступающую условием сохранения и увеличения наследства, защиты группы и её благ от насильственного захвата, а также условием установления своего господства и удовлетворения своих интересов. Единственной угрозой могуществу группы, помимо бесплодия женщин, является дробление материального и символического наследства вследствие раздора между мужчинами. Отсюда стратегии многодетности, направленные на рождение как можно большего числа

детей мужского пола и как можно скорее (за счёт ранних браков), а также воспитательные стратегии, внушающие чрезмерное уважение к своему роду и к ценностям чести, этому превращённому выражению объективного отношения между агентами и их материальным и символическим наследством, находящимся под постоянной угрозой, — все они участвуют в укреплении рода и в оборачивании агрессивных диспозиций в сторону внешнего мира. «Земля — это медь (neh'as), руки — это серебро». Сама двусмысленность этой поговорки — neh'as означает также ревность — открывает нам природу противоречия, которое порождает обычай наследования, привязывая к наследству (через механизм деления наследства на равные доли) всех имеющихся в наличии мужчин и в то же самое время угрожая дроблением земли предков (при делении поровну между слишком многочисленными наследниками), а главным образом, помещая в центр системы принцип соревнования за власть над домашней экономикой и политикой. Соревнование и конфликт между отцом и сыновьями при такой форме передачи власти находятся под опекой патриарха столь долго, сколько он жив (например, многие браки между кузеном и кузиной по параллельной линии «старейшины» заключают, даже не советуясь с отцами). Соревнование и конфликт между братьями или между кузенами, по меньшей мере когда те сами становятся отцами, неизбежно обнаруживают антагонистические интересы [32]. Над стратегиями агнатов довлеет антагонизм между символической выгодой политического единства с гарантирующей его экономической неделимостью и материальной выгодой разрыва, о чём постоянно напоминает дух расчётливости, который, будучи сдерживаем мужчинами, может открыто выражаться женщинами, в силу структурного принуждения менее чувствительными к символической выгоде, обеспечиваемой политическим единством, и более привязанными к чисто экономической выгоде.

Братья взаимности между женщинами считается антитезой обмена чести, хотя фактически это женское одалживание гораздо ближе к экономической сути обмена, чем коммерция у мужчин. В отличие от мужчины чести, беспокоящегося прежде всего о том, чтобы не «разбазарить» свой «кредит доверия», о человеке, который легко позволяет себе брать взаимности, особенно деньги, и при этом не только не сгорает от стыда, но даже не краснеет, говорят, что «одолжить для него значит то же, что для женщин». Разница между такими двумя «экономиками» столь велика, что словосочетание *err arrt'al*, выражающее также факт свершившейся мести, обозначает на языке мужчин «возвращение дара», тогда как на языке женщин оно значит «отдать долг». Практика одалживаний, действительно, более распространена и более естественна у женщин, которые одалживают и берут взаимности что угодно и для чего угодно. Из этого следует, что экономическая истина, содержащаяся в отношении давать — отдавать, более явственно проявляется в обменах между женщинами, которым свойственны конкретность («до родов у дочери»), а также строгий учёт размера долга.

Итак, символические и материальные интересы, связанные с единством земельной собственности, с обширностью союзов, с материальной и символической силой группы агнатов и с ценностями чести и престижа, которые и составляют большую семью (*akham amogane*), действуют в пользу усиления общинных связей. И наоборот — как показывает частота разделов «неделимой» собственности, постоянно возрастающая по мере расширения денежных отношений и распространения (соответствующего) духа расчёта, — экономические интересы (в узком смысле) и, в частности, те, которые касаются

потребления, подталкивают к разрыву целостности [33]. Даже в тех случаях, когда держатель власти в семье в течение длительного времени подготавливал передачу своего наследства, манипулируя ожиданиями и ориентируя каждого из братьев на особую «специализацию» в разделении домашнего труда, конкуренция за внутреннюю власть почти неизбежна, и она может сублимироваться в поединок чести лишь ценой непрерывного контроля мужчин над самими собой и группы над каждым из них. Но силы единения, которые исходят из неделимости земли и интеграции семьи — этих усиливающих друг друга институций, — постоянно наталкиваются на силы расщепления, такие как «ревность», которая порождается неравным распределением власти или ответственности, а также разногласие между предшествующими вложениями в производство и в потребление («то, что сделал работяга, сжирает лежебока» [34]). В итоге власть над распределением работ, контроль над расходами и управлением наследством или над внешними связями семьи (союзы и тому подобное) на деле или по праву выпадают на одно лицо, которое, таким образом, присваивает символические доходы, обеспечиваемые выходами на рынок, присутствием на собраниях клана или на более торжественных собраниях почётных членов племени и так далее. Не говоря уже о том, что эти обязанности имеют своим следствием освобождение того, кто их берёт на себя, от непрерывной работы, которая не имеет ни определённых сроков исполнения, ни возможных перерывов — то есть от работы наименее благородной.

Объективно соединённые — как в несчастье, так и в радости — братья субъективно разъединены даже в их солидарности: «Мой брат, — говорил один информатор, — это тот, кто защищает мою честь, если ей что-нибудь угрожает, то есть тот, кто спасает меня от бесчестия, но стыдит меня при этом». «Брат, — говорит другой, передавая слова одного своего знакомого, — это тот, кто, если я умру, может жениться на моей жене, и за это его будут хвалить». Однородность способа производства габитусов (то есть материальных условий жизни и педагогического воздействия) производит гомогенизацию диспозиций и интересов, которые, отнюдь не исключая конкуренцию, могут в отдельных случаях её породить, склоняя тех, кто является продуктом тех же самых условий производства, признавать и желать обладать одними и теми же самыми благами, а дефицитность этих благ поддерживает конкуренцию. Монопольная группировка, как говорит Макс Вебер, определяемая эксклюзивным присвоением определённого типа благ (земли, имени и тому подобного) — семейная ячейка, — является местом конкурентной борьбы за этот капитал, или, вернее, за власть над этим капиталом, которая постоянно грозит его разрушить, разрушая основополагающее условие продления его существования, а именно единство семейной группы.

Связь между братьями, будучи краеугольным камнем семейной структуры, является одновременно её самым слабым местом, закрепить и усилить которое стремится целая система механизмов [35] начиная с брака между кузеном и кузиной по параллельной линии, этого идеологического разрешения (иногда реализуемого на практике) специфического противоречия данного способа воспроизводства. Если брак с кузиной по параллельной линии является мужским делом [36], отвечает интересам мужчин, то есть высшим интересам рода, и решается часто без ведома женщин или против их воли (если жены двух братьев плохо уживаются между собой, поскольку одна не желает впускать в свой дом дочь другой, а та не желает отдавать свою дочь в руки свояченицы), то это потому, что такой

брак нацелен на практическую нейтрализацию принципов деления между мужчинами. Это настолько само собой разумеется, что обычный наказ отца своим сыновьям: «Не слушайтесь ваших жён, будьте едины», — естественным образом воспринимается как «пусть ваши дети женятся между собой». Всё происходит так, как если бы данное социальное образование должно было официально предоставить себе эту возможность (которая запрещена большинством обществ как инцест), чтобы идеологически разрешить конфликт, заложенный в самой его сердцевине. Безусловно, превозношение брака с bent aamm (с кузиной по параллельной линии) становится понятнее, если помнить о том, что bent aamm в конечном счёте стал обозначать врага или, во всяком случае, личного врага, и что слово thabenaammts употребляется для обозначения неприязни между детьми дяди по отцовской линии. Нельзя недооценивать вклад системы ценностей и схем мифоритуального мышления в символическое снятие напряжённости, в частности, той, что пронизывает агнатические структурные единицы — идёт ли речь о конфликтах между братьями или между поколениями.

Нет необходимости доказывать, что мифоритуальная система, полностью подчинённая мужским ценностям, выполняет функцию легитимации разделения труда и власти между полами, однако намного менее очевиден тот факт, что социальное структурирование темпоральности, организующей представления и практики (самым ярким подтверждением чего служат ритуалы посвящения), выполняет политическую функцию: здесь и символическая манипуляция возрастными границами, то есть границами между возрастными группами, и ограничения, накладываемые на поведение различных возрастных групп. Мифоритуальное деление вносит в непрерывное течение лет абсолютные прерывности, которые формируются социально, а не биологически (как, например, физические признаки старения), и отмечены символическими атрибутами в виде косметики, одежды, украшений, орнаментов и отличительных знаков. Именно через посредство подобных атрибутов выражает себя и напоминает о себе представление о пользовании телом, которое пристало или, наоборот, не пристало каждому социальному возрасту, поскольку способно разложить систему оппозиций между поколениями (так, ритуалы молодости — это полная противоположность ритуалам перехода). Социальные представления о различных возрастных этапах жизни и приличествующих им по определению качествах выражают, в их собственной логике, соотношение сил между возрастными группами. Эти представления способствуют воспроизводству одновременно единства и разделения, действуя через посредство временных делений, способных производить одновременно непрерывность и разрыв. На этом основании представления являются составной частью институциональных инструментов по поддержанию символического порядка и тем самым механизмов воспроизводства социального порядка, само функционирование которых служит интересам обладателей доминирующей позиции в социальной структуре — а именно мужчин зрелого возраста [37].

В действительности техническая и символическая сила сплочения воплощается личностью старейшины, djedd, чей авторитет основан на власти лишать наследства и налагать проклятие, а главное — на причастности к символическим ценностям через thadjadith от djedd, отец отца, совокупность предков, общих для тех, кто объявляет себя потомками одного и того же предка, реального или мифического), то есть на общности происхождения и истории, которая лежит в основании официальных объединений. Патриарх самим своим

существованием обеспечивает равновесие между братьями, поскольку концентрирует в своих руках всю власть и весь престиж, а кроме того, конечно, поддерживает между ними (и их женами) самое строгое равенство как в труде (например, женщины по очереди занимаются домашней работой, готовят пищу, носят воду и так далее), так и в потреблении. Неслучайно кризис часто наступает тогда, когда умирает отец, а его сыновья, несмотря на вполне зрелый возраст, не обладают признанной властью (из-за разницы в возрасте или по какой-то другой причине). Однако на уровне домашнего хозяйства и более широких единиц — кланов или племён — относительная и чрезвычайно изменчивая сила тенденций к объединению или разъединению зависит в первую очередь от отношений, сложившихся между группой и внешними структурными единицами: незащищённость становится негативным принципом объединения, способным восполнить недостаток позитивных принципов [38]. «Я ненавижу своего брата, но я ненавижу того, кто его ненавидит».

Несмотря на то, что брак представляет собой одну из главных возможностей сохранить, увеличить или сократить (в результате мезальянса) капитал авторитета, который обеспечивает глубокую интеграцию, а также капитал престижа, обеспечивающий расширенную систему союзников (*nesba*), — всё же все члены семейной ячейки, которые участвуют в заключении брака, далеко не в равной степени признают коллективные интересы рода как свои собственные. Традиция наследования, исключая из наследства женщину; мифологизированное мировоззрение, признающее за ней лишь ограниченное существование и никогда не обеспечивающее ей полноценного участия в символическом капитале принявшего её рода; разделение труда между полами, обрекающее женщину на домашний труд, сохраняя за мужчиной представительские функции, — всё это способствует идентификации интересов мужчины с материальными и символическими интересами рода, причём тем полнее, чем больше их авторитет внутри группы агнатов. Действительно, мужские браки — к коим относят брак с кузиной по параллельной линии и политический брак — недвусмысленно свидетельствуют, что интересы мужчин более непосредственно отождествляются с официальными интересами рода и что их стратегии более непосредственно подчиняются заботе об усилении интеграции единичной семьи или сети семейных союзов. Что же касается женщин, то не случайно браки, инициаторами которых они выступают, принадлежат к классу обычных, или, точнее говоря, только такие браки им доверяются [39]. Исключённые из представительской, женщины оказываются отнесены к практической родне и практическим функциям родства; они вкладывают в поиски партии для своих сыновей или дочерей больше экономического реализма (в узком смысле слова), чем мужчины [40]. Безусловно, именно в том случае, когда речь идёт о замужестве дочери, мужские и женские интересы расходятся в наибольшей степени. Прежде всего, мать менее отца чувствительна к «семейному резону», согласно которому дочь трактуется как инструмент усиления интеграции группы агнатов или как монета при символическом обмене, позволяющем заключать престижные союзы с чужими группами. Кроме того, выдавая свою дочь замуж внутри своего рода и укрепляя таким образом обмена между группами, мать стремится укрепить свою позицию в доме. Женильба сына ставит перед старшей хозяйкой дома вопрос о её господстве в домашнем хозяйстве таким образом, что её интересы согласовываются с интересами рода лишь в отрицательном смысле: если девушку выбирают оттуда, откуда когда-то взяли саму её, то она следует по пути, намеченному родом, но если, вследствие плохого выбора, возникает конфликт между женщинами, женильба сына в конечном счёте несёт в себе угрозу единству группы агнатов.

Женитьба сына часто является поводом для столкновения между матерью и отцом, столкновения, обязательно замаскированного, поскольку женщина не может иметь своей официальной стратегии. Отец склонен поощрять брак внутри рода, который мифологизированное представление — идеологическая легитимация мужского господства — представляет как наилучший; мать же направляет свои тайные хлопоты в пользу её собственного рода, предоставляя мужу в нужный момент официально санкционировать их результаты. Женщины не стали бы вкладывать столько изобретательности и столько усилий в матримониальные поиски, на которые их направляет разделение труда между полами — по крайней мере, до того момента, когда может начаться официальный диалог между мужчинами, — если бы в женитьбе сына не таился подрыв их власти. Действительно, вошедшая в семьи женщина, в зависимости от того, связана ли она с отцом своего мужа (через своего отца, или, в более общем виде, через какого-либо мужчину, или же через свою мать) или же она связана с матерью своего мужа, может обладать весьма разным весом при распределении сил с матерью своего мужа (thamgharth). Кроме того, это распределение зависит от генеалогической связи «старой хозяйки» с мужчинами рода (то есть с отцом своего мужа). Так, параллельная кузина по отцовской линии изначально занимает более сильную позицию в отношениях со «старой хозяйкой», пришедшей из другого рода, и наоборот, позиция «старой хозяйки» в её отношениях с thislith (невесткой), а также косвенно — с её собственным мужем, может быть усилена, когда thislith является дочью её собственной сестры или, более того, её собственного брата. В самом деле, интересы «старого хозяина» не обязательно антагонистичны интересам «старой хозяйки»: отдавая себе отчёт в той выгоде, которую представляет выбор девушки, полностью доверяющей «старой хозяйке», которая в свою очередь полностью доверилась роду, «старый хозяин» может разрешить поиски в роду своей жены какой-либо послушной девушки. Более того, поскольку в каждой отдельной связи представлена вся структура практических отношений между родителями, он может обдуманно выбрать в жёны своему сыну дочь своей сестры (кузину по перекрёстной отцовской линии) или даже, не показывая виду, подтолкнуть свою жену к женитьбе их сына на дочери её брата (кузине по перекрёстной материнской линии), вместо того чтобы укреплять власть и без того доминирующего брата (в силу его возраста или престижа), соглашаясь взять его дочь (параллельную кузину по отцовской линии).

Интересы мужчин преобладают тем полнее, чем больше сплочённость группы агнатов (именно на это косвенно намекают, когда среди других аргументов в пользу неделимости указывают на тот факт, что она позволяет лучше контролировать женщин) и чем менее род отца удалён в социальной иерархии от рода матери. Не было бы слишком большим преувеличением считать, что вся матримониальная история группы представлена во внутренних дискуссиях относительно каждого предполагаемого брака. Согласно интересам рода, то есть мужскому интересу, мужчина не может быть поставлен в подчинённое положение внутри семьи вследствие его женитьбы на девушке, стоящей явно выше (считается, что муж может воспитать жену, но не наоборот); девушку можно выдать за стоящего выше или равного по положению, можно взять дочь у стоящего ниже по положению. Соответственно, интересы рода могут быть легче навязаны в том случае, если тот, на кого возложена ответственность по крайней мере официальная) за брак, сам не женат на женщине, стоящей выше него по положению. Целая система механизмов, в которые включаются и размеры вдовьего наследства, и расходы на свадьбу, которые тем более велики, чем престижнее брак, стремится исключить альянсы между слишком

неравными группами с точки зрения экономического и символического капитала. Случаи, когда семья одного из двух супругов богата каким-либо одним капиталом, например мужчинами, тогда как другая семья богата чем-то другим, например землями, далеко не исключения, даже напротив. Как говорится, «объединяются с равными».

Одним словом, структура объективных отношений между родственниками, отвечающими за принятие решение о браке: будь то мужчина или женщина, представитель того или иного рода — способствует определению структуры отношений между родами, объединёнными намечающимся браком [41]. В самом деле, правильнее было бы говорить, что определяющая связь между родом индивида, которого хотят женить, и родом, предоставляющим возможного партнёра, всегда опосредована структурой отношений домашней власти. Чтобы полностью охарактеризовать многомерную и многофункциональную связь между двумя группами, недостаточно учитывать только пространственную, экономическую и социальную дистанцию, установленную между ними в момент заключения брака с точки зрения экономического и символического капитала (измеряемого числом мужчин и почётных лиц, степенью интеграции семьи и так далее), нужно, кроме того, учесть состояние баланса материальных и символических обменов на текущий момент времени, иначе говоря — всю историю официальных и экстраординарных обменов, осуществлённых или, по крайней мере, освящённых мужчинами (то есть собственно браки), а также историю неофициальных и повседневных обменов, постоянно поддерживаемых женщинами при содействии мужчин, а зачастую и без их согласия, то посредничество, благодаря которому подготавливаются и осуществляются объективные отношения, которые определяют предрасположенность двух групп к объединению.

Если экономический капитал относительно стабилен, то символический — более подвижен: часто достаточно исчезновения главы семьи, пользующегося престижем, не говоря уже о разделе неделимого состояния, чтобы символический капитал оказался сильно поколеблен. Соответственно, всякое представление, которое семья стремится дать о самой себе, а также цели, которые она намечает заключаемым ей бракам — альянс или интеграция, — следуют колебаниям символического богатства группы. Так, одна большая семья, несмотря на то, что её экономическое положение постоянно улучшалось, на протяжении смены двух поколений перешла от мужских браков (союзов внутри близких родственников по мужской линии), или экстраординарных союзов, к ординарным бракам, чаще всего затеваемым женщинами в их собственной сети связей. Это изменение матримониальной политики совпало со смертью двух самых старших братьев, с длительным отсутствием взрослых мужчин по причине их отъезда во Францию) и с ослаблением авторитета «старой хозяйки», потерявшей зрение. Более того, не была обеспечена преемственность позиции «старой хозяйки», при которой царит порядок и тишина («послушание «старой хозяйке» выражается в молчании»), а структура отношений между жёнами отражает структуру отношений между мужьями, оставляя вакантной позицию хозяйки дома, — всё это приводит к бракам, которые постепенно переходят в границы родов по принадлежности жён.

Структурные характеристики, которые в целом определяют ценность продуктов рода на рынке матримониальных обменов, разумеется, уточняются второстепенными характеристиками, такими как матримониальный статус вступающего в брак индивида, его возраст, пол и тому подобное. Так, матримониальные стратегии группы и брак, который в

результате заключается, зависят в конечном счёте от того, является ли вступающий в брак холостяком «брачного возраста» или, наоборот, он уже вышел из него; или это женатый мужчина, который ищет вторую супругу (co-erouse); или это вдовец или разведённый, который хочет жениться вновь (ситуация варьирует также в зависимости от того, есть ли у него дети от первого брака или нет). Те же критерии оценки применяются и в отношении девушки, с той только разницей, что её предыдущие браки вызывают неизмеримо большее обесценивание по причине значимости, приписываемой девственности, а также потому, что в конечном счёте репутация «брошенного мужчины» страдает в гораздо меньшей степени, чем репутация «брошенной женщины»).

Это лишь один из аспектов асимметрии в положении женщины и мужчины относительно брака; недаром говорится, что «мужчина всегда мужчина, каково бы ни было его положение — он всегда выбирает». Поскольку стратегическая инициатива находится в его руках, он может ждать: он уверен, что найдёт себе жену, даже если он заплатит за задержку, женившись на женщине, уже бывшей замужем, уступающей ему по социальному положению или страдающей каким-либо физическим недостатком. Поскольку дочь традиционно «просят» или «отдают», то в высшей степени глупо выглядел бы отец, который стал бы искать хорошую партию для дочери.

Другое различие заключается в том, что мужчина может ждать женщину (пока она достигнет брачного возраста), в то время как женщина не может ждать мужчину: тот, кто должен пристроить женщин, может тянуть время, дожидаясь выгодного момента, что даёт ему позиция лица, перед которым ходатайствуют. Однако возможности его очень ограничены из-за опасения, что продукт обесценится и будет считаться «непродаваемым» или просто устареет. Одним из самых существенных ограничений является потребность срочного заключения брака, безусловно снижающая свободу маневра. Среди причин, побуждающих ускорять брак, почтенный возраст родителей, которые хотели бы дождаться свадьбы сына, а также обзавестись невесткой, которая могла бы за ними ухаживать; или опасение, что выбранная девушка может быть отдана другому (чтобы рассеять такие опасения, родители девушки с самого раннего её возраста «выставляют её башмак напоказ», указывая тем самым, что девушка уже выбрана, и иногда даже называют её fatih'a). Единственного сына также стремятся женить рано, чтобы он как можно скорее продолжил род. Символическое преимущество перед бывшим супругом, которое даёт повторное замужество после развода, заставляет каждого из бывших супругов иногда спешно вступать в повторный брак. Но поскольку такие браки редко бывают стабильными, некоторые мужчины и женщины как бы «обречены» именно на такие повторяющиеся браки. Но и в этом отношении асимметрия между мужчиной и женщиной очень велика. Так, считается, что разведённый мужчина или вдовец должен повторно жениться, тогда как разведённая женщина теряет свою ценность по причине неудавшегося замужества, и даже очень молодая вдова вытесняется с матримониального рынка, поскольку она мать и обязана воспитывать ребёнка своего мужа, особенно если речь идёт о мальчике. «Женщина не может оставаться (вдовой) для другой женщины» — так говорят о вдове, имеющей одних дочерей, что подстёгивает её к повторному замужеству. В то же время мать, имеющая сыновей, восхваляется за её жертвенность, особенно если она молода и оказывается в положении чужой среди сестёр её мужа и жён братьев её мужа. Но её положение также зависит от того, ушла ли она из семьи мужа, оставив детей, или вернулась в свою родную

семью вместе с детьми (в этом случае она менее свободна и ей труднее выйти замуж). Для неё существует любопытная альтернатива: в определённом случае она может выйти замуж внутри семьи её мужа (что является официальным поведением, особенно рекомендуемым, если у неё есть дети мужского пола), либо же она может быть вновь выдана замуж семьёй её отца (практика более частая, если у неё нет детей), либо же — семьёй её мужа. Трудно определить область переменных (куда безусловно нужно отнести местные традиции), определяющих «выбор» той или иной стратегии.

Кроме того, следует иметь в виду, вопреки традиции, согласно которой всякий брак представлял изолированную единицу, что размещение на матримониальном рынке каждого из детей одной семейной структуры (то есть, в зависимости от случая, детей от одного отца или внуков одного деда) зависит от браков всех остальных и, следовательно, находится в зависимости от позиции (определяемой в основном по рангу рождения, по полу и по отношению к главе семьи) каждого из детей внутри особой конфигурации множества детей, которым предстоит вступить в брак, где сама эта конфигурация определяется размером и структурой по половому признаку. Так, если речь идёт о мужчине, то его положение тем выгоднее, чем теснее его родственная связь с установленным обладателем авторитета в области брака (эта связь может идти от сына к отцу, от младшего брата к старшему, или даже если это связь между отдалёнными кузенами). Кроме того, несмотря на отсутствие официального признания за старшим каких бы то ни было привилегий (естественно, речь идёт о мальчиках), всё складывается в его пользу и в ущерб младшим: его женят в первую очередь и по возможности наилучшим образом, то есть, скорее, на стороне, тогда как младшие предназначаются чаще всего для производства, а не для обменов на рынке или на сходе, скорее, для сельскохозяйственных работ, чем для внешней политики семьи [42]. Во всяком случае, положение старшего может очень варьировать в зависимости от того, является ли он старшим из многих братьев или же он воплощает все надежды семьи, являясь единственным ребёнком или мальчиком, родившимся после многих девочек.

«Стихийная психология» прекрасно описывает «мальчика при девочках» (aqchich bu thaqchichin), который, будучи всхолен и взлелеян женщинами семьи, всегда стремящимися удерживать его подле себя как можно дольше, в конечном счёте идентифицируется с той социальной судьбой, которая ему готовится, превращаясь в хилого и болезненного ребёнка, «съеденного его слишком многочисленными сёстрами». По этим самым причинам этот слишком драгоценный и слишком редкий продукт стараются обхаживать и защищать тысячами способов: оберегают его от сельского труда, дают ему продолжительное образование, отделяя его от товарищей, благодаря более развитой речи, более чистой одежде, более изысканной пище, что обуславливает в итоге его ранний брак. Другое дело дочь: чем больше у неё братьев, стоящих на страже её чести (в частности, её девственности) и являющихся потенциальными союзниками её будущего мужа, тем выше она ценится. Именно поэтому в сказках говорится о ревности, которую вызывает у семерых братьев сестра, находящаяся под защитой всех семерых, наподобие «фиги, укрытой листвой»: «Одна девушка, на долю которой выпало счастье иметь семерых братьев, могла гордиться этим, и она не испытывала недостатка в желавших жениться на ней. Она была уверена в том, что она желанна и высоко ценима. Когда она вышла замуж, то и муж, и родители мужа, вся семья и даже соседи и соседки уважали её: ведь на её стороне было семь мужчин, она была сестрой семерых братьев, семерых защитников. При малейшей ссоре

они быстро наводили порядок, и если их сестра была виновата или если муж с ней расходился, они забирали её к себе и окружали вниманием. Никакое бесчестье ей не угрожало. Никто не осмелился бы сунуться в логово львов».

Семья, в которой много девочек, слабо «защищённых» (мальчиками) и, следовательно, низко ценящихся, легко уязвимых, поскольку за ними стоит мало союзников, находится в невыгодном положении. Такая семья чувствует себя обязанной по отношению к семьям, принимающим их женщин. Что касается семьи, богатой мужчинами, то она обладает большой свободой маневра: она может по-разному устраивать каждого из мальчиков в зависимости от конъюнктуры, расширить союзы с помощью одного из них, укрепить интеграцию с помощью другого и даже оказать услугу какому-нибудь кузену, у которого одни девочки, взяв одну из них в жёны третьему сыну. В этом случае глава семьи мог проявлять во всей полноте своё мастерство и играючи примирять непримиримое, укрепляя сплочённость и расширяя союзы. И наоборот, тот, у кого есть только дочери, обречён исключительно на негативные стратегии, и вся его ловкость ограничивается тем, чтобы расширить рынок, манипулируя отношениями между полем возможных партнёров и полем возможных конкурентов, сталкивая близкого родственника с дальним, предложение своего с предложением чужого (стараясь отказать ему, не обидев или заставив его подождать), чтобы сохранить за собой возможность выбрать самого достойного.

Как видим, всё это весьма далеко от того, чтобы можно было говорить о чистом универсуме — разве лишь ценой бесконечного упрощения — «брачных правил» и «элементарных структур брака». Определив систему принципов, на основании которых агенты могут производить (и понимать) регламентированные и упорядоченные матримониальные практики, можно было бы с помощью статистического анализа получить достоверную информацию, устанавливающую вес структурных или индивидуальных переменных, которые им объективно соответствуют. В действительности важно то, что практика агентов становится понятной с того момента, как мы выстраиваем систему принципов, воплощаемых агентами на практике, когда они непосредственно замечают индивидов, которые в социологическом смысле могут быть обнаружены лишь при определённом состоянии матримониального рынка, точнее говоря, когда в отношении определённого мужчины они указывают несколько женщин, которые внутри практического родства в какой-то мере ему обещаны, и тех, которые ему на самом деле позволены — при этом так ясно и очевидно, что всякое отклонение от самой вероятной траектории (например, брак в другом клане) воспринимается как вызов, брошенный не только данной семье, но и всей группе.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 23:53:25

Зверобой обновил 20 января 2026 23:56:39